

МЕЖДУ
ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

часть I

The book cover features a woman with long dark hair, wearing a dark, flowing, sleeveless dress, standing in a dark, misty forest. She is looking down and to her left. In the foreground, a white wolf is sitting on the left, and a black panther with glowing blue eyes is sitting on the right. The background consists of tall, dark trees with bare branches, and the overall lighting is a mix of dark blue and green, creating a mysterious and ethereal atmosphere.

ЯНА БЕЛЕЦКАЯ

Яна Белецкая

Между прошлым и будущим

«Издательские решения»

Белецкая Я.

Между прошлым и будущим / Я. Белецкая — «Издательские решения»,

Это история о том, как невозможное может стать не только возможным, но и реальным. Беззаботная девушка Алиса не подозревает о том, какое путешествие ей предстоит совершить. Она оказалась в прошлом — почти за двести лет до собственного появления на свет — и встретила там своего двойника. Последующие события, порой пугающие, ошеломляли. Они вынуждали задуматься о том, что недавно меньше всего интересовало ее практичную натуру реалиста: о мистических существах и потусторонних мирах.

© Белецкая Я.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Прошлое	7
Пролог	7
1	10
2	12
3	15
4	17
5	20
6	23
7	26
8	30
9	33
10	36
11	39
12	42
13	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Между прошлым и будущим часть 1

Яна Белецкая

© Яна Белецкая, 2016

© Роман Батуев, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

С самого раннего детства мы все любим сказки. Совсем маленьким читают про колобка и курочку Рябу, немного позднее наступает время принцесс, принцев и драконов со змеем Горынычем. Ну а за тем, когда ты взрослеешь, сказки растворяются в будничных заботах. Суровая, порой жестокая реальность поглощает любые чудеса и фантазии о волшебстве. Однако человек не может не вообразить тот мир, который он считает для себя самого счастливым и реальным, в котором любовь и добро всегда побеждает зло и коварство. И вот тогда, когда ты уже в том возрасте, в котором думаешь о семье и собственных детях, на смену бабе Яге и Кощею приходят Властелины колец, хоббиты и вампирские саги. Человек в любом возрасте остро нуждается в сказках, в волшебных историях со счастливым концом – иначе в современной цивилизации с ее новейшими технологиями и бешеным ритмом жизни, в один прекрасный день он обнаружит у себя usb – разъем и станет мизерной частицей искусственного интеллекта, превратится в матрицу.

Мы смотрим, читаем фэнтези и забываем о насущных проблемах и делах. Мы следим за развивающимся сюжетом и в тайне друг от друга думаем: «Вот бы все это было правдой. Вот бы хоть на мгновение оказаться среди мистических персонажей. Параллельная реальность, а вдруг ты существуешь?..»

Прошлое

Пролог

Я знаю точно: невозможное очень даже возможно! Событие, которое произошло в обычный, распланированный выходной день, навсегда и бесповоротно изменили всю мою судьбу и вообще все, что я считала размеренной, вполне меня устраивавшей жизнью.

Я жила в скромной двухкомнатной квартирке, доставшейся мне в наследство от горячо любимой бабушки, которая меня вырастила и всегда была моей самой лучшей и близкой подругой, в то время как родители активно занимались собственной карьерой. Они виделись со мной лишь по большим праздникам, одаривая дорогими подарками и оставляя нам деньги для безбедного существования. У меня действительно было все, о чем некоторые дети, а потом и подростки, (по мере взросления) могли только мечтать: модные шмотки, крутой компьютер и куча всякой нужной и ненужной техники по последнему её слову. Таким образом, с настоящими друзьями было туго – не хотелось никого покупать, а искренним отношениям мешала зависть. В честь моего совершеннолетия родители подарили мне новенькую иномарку и деньги на обучение в лучшей автошколе, а потом, уехав в длительную командировку, исчезли из моей жизни навсегда.

День, когда сообщили об авиакатастрофе, стал началом моей взрослой жизни. Бабушку парализовало и я, отказавшись от платных сиделок и специальных заведений, ухаживала за ней сама. Родительские хоромы, сдаваемые в аренду, и приличный счет в банке позволяли мне не работать и продолжать учиться, переведясь на заочное обучение.

Прошло два года, прежде чем не стало и бабушки. Чувство одиночества после потери последнего близкого человека заставило меня начать общаться с сокурсниками в институте и даже заводить небольшие романы. Как правило, заканчивались они одинаково: в какой – то момент, когда казалось что все хорошо, я вдруг осознавала, что это не ОН и совместное проживание, а уж тем более создание семьи, исключалось.

Закончив учиться, и получив диплом специалиста по «управлению персоналом», я устроилась на работу в туристическую фирму на должность менеджера, которая включала в себя большой спектр обязанностей. Я была секретарем, работала с клиентами и даже водителем – курьером, когда возникала необходимость. Постепенно мне удалось стать практически незаменимой, что чаще льстило, чем раздражало. В общем, жизнь казалась вполне сложившейся, за исключением личного счастья. Отношения с противоположным полом складывались по-прежнему скверно. Коллеги, с которыми установились дружеские отношения, тщетно пытались уговорить меня познакомиться с тем или иным их «хорошим неженатым знакомым», а некоторые даже отправляли к бабке-гадалке «снимать порчу».

Мы проработали дружным коллективом несколько лет, когда наступил день празднования моего тридцатилетия. Коллеги нарекли меня местной Бриджет Джонс с пожеланием все-таки когда-нибудь обрести свое счастье, забыть буржуйскую привычку обедать и ужинать в кафе, научиться готовить самой что-нибудь кроме омлета, и бросить, наконец, курить!

После бурного празднования в офисе, я возвратилась домой, чувствуя себя вполне счастливой, но все-таки одинокой, даже когда любимый толстый кот неуклюже вскарабкался мне на колени. В качестве доказательства своей любви он пару раз лизнул меня в щеку, не забыв презрительно посмотреть на бокал с маргити у меня в руках, а уж когда я потянулась за сигаретой, поспешил слинять – хвостатый барчук не переносил сигаретного дыма.

Могла ли я предположить в этот вечер, что завтра жизнь выдаст мне такую путевку, о которой в нашей фирме, работавшей с турами по всему миру, не слышала ни одна живая душа?

Апрельское утро моего выходного, который случался раз в две – три недели, выдалось ясным и приветливым. Весна в этом году была ранней и теплой, остатки смеси изо льда и песка стремительно подсыхали, что позволило мне наконец-то надеть милые сердцу кроссовки. Перед любимым бабушкиным праздником Пасхи мне хотелось навести порядок на ее могиле после снежной зимы, хотя для меня каждая такая поездка оборачивается испытанием. Не потому, что некогда или лень, просто очень не люблю находиться на последнем человеческом пристанище, ведь любимый человек и без памятника с цветочницей всегда для тебя жив.

Я нажала кнопку на брелоке сигнализации, и мой «фольсик» – гольф тут же отозвался, приветливо моргнув фарами.

Дорога заняла совсем немного времени, резвая и юркая машина без проблем доставила меня на место. Мне как всегда стало холодно и не уютно, ведь там действительно всегда очень тихо, едва слышен лишь щебет птиц из окружающего погост леса. Захотелось курить, но из уважения к бабушке я никогда не позволяла себе дымить при ней не только, когда она была жива, но и сейчас, у ее памятника, с которого на меня смотрела фотография седой женщины с добрыми глазами и грустной улыбкой.

Справившись с поставленной задачей я воткнула в землю букетик цветов, и попрощавшись, уехала.

До города оставалось каких – то сто метров, когда на обочине я узрела бабулю, неуклюже опирающуюся на клюшку. Услышав звук приближающейся машины, она робко проголосовала. Вообще-то я никогда не беру пассажиров с дороги, и проехала мимо, но потом передумала и сдала назад. «Бабуля, видимо, навещала своего дедулю, с меня же не убудет?»

Я потянулась к ручке, чтобы помочь ей открыть дверь и в этот же момент старушка наклонилась к открытому окну. Наши глаза встретились, и тут произошло нечто: бабушка побледнела, вытаращила глаза и принялась неистово креститься, повторяя «Свят! Свят! Свят!»

– Что с вами? – недоуменно спросила я и на всякий случай потрогала себя за голову, проверяя на наличие рогов.

Меж тем бабуля набирала обороты вдоль обочины, выбросив свою клюшку подальше в кусты, чтобы та не мешала спринтерскому бегу. Бежала она, конечно, резво, но машина все же быстрее. Меня захватил азарт. Поравнявшись с ней, я сбросила скорость и прокричала в окно:

– Уважаемая, извините, что напугала вас, но видите ли, моя работа обязывает меня к макияжу, костюму и чертовым шпилькам и во всем этом я выгляжу неплохо, но без всех этих прибамбасов, неужели так страшна? Вы меня расстроили сильнее, чем я вас!

Бабушка начала потихоньку останавливаться и, наконец, остановилась, издавая звуки загнанной лошади.

– Садитесь, пожалуйста, в машину, я довезу вас до дома! – с этими словами я вышла из машины и подошла к ней, в надежде помочь дойти и посадить на сиденье.

– Алиска, Господи Всемогущий, Алиска! – ошалело бормотала она.

Здесь, однако, обалдела и я.

– Вы меня знаете? Кто вы?

Неожиданно глаза бабули закатились, и она всей своей довольно приличной массой осела у меня на руках.

– Ох и ни хрена себе! – вырвалось у меня, и теперь настала моя очередь издавать неприятные звуки, пока тащила ее до машины. На меня напал столбняк, как только я запихнула пассажирку на сиденье. Слава Богу, длился он недолго. Проверять пульс не было смысла, потому что старушка дышала. В автомобильной аптечке не было ничего, чем можно было бы привести

ее в чувство. Призвав на помощь разум, я уговорила себя не закуривать и гнать в ближайшую больницу.

Вырулив на городскую дорогу, которая являлась главной, я прибавила газу, всерьез опасаясь за старушку: во-первых, она меня откуда-то знала, а во-вторых, я не могла допустить, чтобы в Моей машине умер человек!

Вдруг, с прилегающей дороги начала поворачивать огромная мерзкая фура, вид которой всегда пугал меня на дороге. – Козел!!! – завизжала я в тот миг, когда поняла, что водитель не намерен меня пропустить... Последнее, что помню – это как изо всех сил ударила по педалям тормоза и сцепления...

1

Тяжелые веки медленно открылись. Пока рассеивалась дымка, мешавшая разглядеть нависшего надо мной человека, моя голова начала проясняться, а мозг восстанавливать события.

Авария... Сумасшедшая бабка... Я ЖИВА! Последняя мысль настолько обрадовала, что моргнув еще пару раз, я наконец-то разглядела человека, бормотавшего мне в лицо:

– Алиса, о Боже! Алиса, как ты?

Откуда ему известно мое имя? Видимо я сильно ударились головой: во-первых в ней не прекращался противный гул, а во-вторых мужчина был одет по старинной моде, наверное, в сюртук или что-то в этом роде.

Но его лицо! Оно было таким знакомым, таким близким и родным. И его голос? Я знаю его!

Он помог мне подняться и удержаться на ногах, поддерживая одной рукой за талию, а другой за локоть. Какой же он высокий. Мне пришлось поднять голову, что бы разглядеть как следует. Представший портрет радовал: брюнет с мягкими карими глазами, смотревшими на меня с неподдельной тревогой. Приятное лицо с прямым аристократическим носом, немного тяжеловатым подбородком и четко очерченным ртом. Волосы, спадающие до широких плеч, напоминали длинную женскую стрижку, однако вид исправляли небольшие бакенбарды. От него приятно пахло неизвестной мне туалетной водой или одеколоном.

Мой взгляд уперся в его шейный платок с красивой жемчужиной на узле. Да что же это такое?! Я огляделась. Видимо, я участвовала в съемках исторического фильма (вот только какого черта?), потому что в метрах десяти от нас лежала перевернутая карета, а рядом топтались лошади, запутавшиеся в упряжке.

– Алиса, услышала я снова, – Ты цела? Как ты?

– Еще не знаю, – услышала я собственный голос откуда то из далека.

– Вернемся, убью Степана ко всем чертям! – рявкнул исторический красавчик.

Закружилась голова. Внезапно я осознала, что понимаю о ком речь. Степан – это наш старший конюх, он следит за всеми лошадьми, каретами и вообще за всем «транспортным цехом». Именно он должен был проверить и лошадиную упряжку, и карету в целом.

Говорят, что чаще память возвращается постепенно, но только не в моем случае. Волна – моей ли? – памяти накрыла, словно мелкий кораблик во время бури. Как во сне я услышала его слова:

– Слава Богу, мы не успели уехать далеко! На лошади вернемся назад. Боюсь без седла, но я буду держать тебя очень крепко.

– Эй, Алиса, ты слышишь меня? Скажи хоть слово!

Я устало кивнула. Сильные руки обхватили талию, и он бережно усадил меня перед собой.

Мое имя Алисия Заревская – старшая дочь графа Алексея Заревского, представителя древнейшего рода, имеющего так же владения в Испании, где процветал семейный бизнес, и находилось роскошное имение с плантациями винограда, винодельни и хранилища элитных вин. Таким образом, дела обязывали большую часть в году проживать в Испании, где граф Алексей и встретил прекрасную Алисию. К сожалению, она была безродная, и более того, оказалась дочерью одного из работающих на графа людей. Конец их связи был трагичен: в мученьях родив меня, моя мать умерла. К счастью, отец видимо действительно любил её, потому что немедленно признал меня своей дочерью, нанял целую армию нянек и каждую свободную минуту проводил со мной.

Мне было четыре года, когда отец привез меня в Россию в свое родовое гнездо. Не будь он столь богат и уважаем, при дворе разгорелся бы скандал и пересуды, но... я стала маленькой принцессой в поместье моего королевского отца.

Я плохо помню то время в силу своего маленького возраста, но отчетливо помню другое – безмятежное счастье и ощущение безграничной любви отца ко мне. Однако графский титул и внушительное состояние обязывали отца жениться и представить свету законного наследника.

Новобрачная Заревских – моя новоявленная мачеха – урожденная княжна Анастасия Кантемир, не менее родовитая, чем отец, отлично подошла на роль матери графского наследника. Обстановка в доме изменилась мало. Отец по-прежнему окружал меня любовью и заботой, а мачеха натянуто улыбалась мне в его присутствии, а когда никто не видел, просто не замечала. Когда у нас был бал, прием или же просто визит соседей, она выводила меня к ним, показывая как я «росту и хорошею», а потом с чувством выполненного долга передавала няне – пожилой доброй женщине, которая вырастила моего отца, а теперь воспитывала меня. Провожая в детскую, она гладила меня по голове, повторяя каждый раз: «Вот родится маленький граф, и Она вдруг станет тебя обижать, так мы с Алешей враз ее состроим, уж будь уверена». Я плохо понимала, о чем речь, но верила ей.

Накануне моего шестилетия родилась моя сводная сестра Анна. Праздничный переполох, крестины, новые няньки слегка напугали меня. Я чувствовала, что моя прежняя жизнь и мое положение изменились навсегда. Я испытывала ревность к новоиспеченной сестре, и всякий раз задавала вопрос няне, зачем, собственно, нам всем нужен этот орущий сверток.

На что няня, вздохнув, повторяла: «еще народят дитя, наследник нужен». Меня это откровенно пугало. Еще? Зачем?

2

Шло время. Анна подросла, достигнув того возраста, когда я с ней «познакомилась». Наследник графского титула так и не родился, поэтому Анна стала единственной законной преемницей нашего отца.

В свои двенадцать лет я достаточно много понимала и отчетливо видела, что отцу я гораздо ближе, и он очень хотел, что бы именно я, а не Анна, была его законной дочерью. С Анной он играл не меньше, чем со мной, уделяя ей столько же своего внимания и заботы. Но я замечала, что в его глазах не было тех искорок, которые сыпались на меня во время нашей возни, не было той нежности во взгляде, которая доставалась мне и даже морщинки вокруг глаз, когда он улыбался, были другими. Осознавая это, я больше не хотела, что бы от Анны избавились, более того, вынуждена была признать, что для девочки ее положения, она была совсем не капризной и не вредной. Не знаю, любила ли я ее, но абсолютно точно испытывала теплые чувства по отношению к ней. Может быть, у нас с сестрой сложилась бы настоящему родственная связь, но этому не суждено было случиться. Тому причиной стала ее, Анны, тетушка – гувернантка, которая приходилась старшей сестрой графини. Она появилась в нашем доме вскоре после рождения маленькой наследницы.

Женщина с красивым именем Милада, вовсе не обладала такой душой. Внешне она была достаточно красива, и ее младшая сестра значительно проигрывала ей во внешности, но... мать Анны была хотя бы искренна. Ни к отцу, ни ко мне она не пыталась изображать любовь – мы ей были безразличны, но все же к отцу она относилась с глубоким уважением и подчинением, ну а меня просто предоставила самой себе и не обижала.

Она улыбалась, когда была в хорошем настроении, и порой ее можно было назвать милой женщиной. Я даже строила догадки о том, что если бы они с отцом любили друг друга, и их брак был бы настоящим, а не «выгодным обоим союзом», возможно, она полюбила бы меня.

Милада обладала красотой снежной королевы, а характером жадной склочницы и стервы. Утром ее боялись даже мыши, уже ближе к обеду были гарантии, что тебя не обратят в камень взглядом, ну а к вечеру она могла даже улыбнуться. Порой она ставила нас с Анной рядом, и переводя змеиный взгляд с одной на другую, говорила:

– Берегись, Анна, хоть ты и похожа на своего отца – белокурая и голубоглазая, но эта черноокая испанка может обставить тебя!

Что касается ее зависти и жадности, то тут ей не было равных. Когда мачеха шила себе очередной наряд, совершенно искренне предлагая и Миладе новый туалет, начиналось нечто интересное. При всей своей жадности, Милада была необычайно горда, а так как в силу статуса старой девы (ей было около сорока лет), она находилась на иждивении младшей сестры, то самостоятельно, на собственные средства не могла позволить себе ни дорогие наряды, ни тем более драгоценные украшения. Она надменно задирала подбородок и гордо отказывалась, но позднее умудрялась предстать перед сестрой и отцом в таком умопомрачительном платье, что те диву давались. Таким образом, она за раз тратила ту сумму, которая ей полагалась в месяц из скромного содержания, назначенного ее отцом – князем.

Моя няня рассказывала, что в свое время Милада отвергла ухаживания и наотрез отказалась выйти замуж за человека, выбранного князем, и тем самым лишилась всех материальных благ. Разгневанный отец все приданное отдал Анастасии, а Миладу определил быть гувернанткой при ее будущих детях и назначил очень скромное для его состояния содержание.

Говорили так же, что Миладин несостоявшийся муж был хоть и очень древнего, но обедневшего рода. Девушка ни за что не хотела покидать богатый родительский дом и переезжать в скромное обветшалое поместье. Более того, по догадкам няни, Миладу обуяла черная зависть, когда ее младшей сестре достался такой муж, как мой отец и в ее ледяную душу нико-

гда не сможет поселиться добро. Надо заметить, что я охотно верила своей любимой няне и соглашалась во всем, что касалось тетушки Анны.

В общем, Милада была полна решимости воплотить в племяннице все свои несбывшиеся мечты, надежды и амбиции. Не смотря на юный возраст своей подопечной, она с фанатичной одержимостью занималась воспитанием Анны, отодвинув в сторону нанятую гувернантку, поручив той меня. Больше время уделялось светскому этикету, умению «правильно» одеваться и подбирать украшения. Порой мне казалось, что Анна была самой несчастной девочкой в знатной округе.

В отличие от сестры я обладала почти абсолютной (по сравнению с ней) свободой. Мое передвижение по поместью, соблюдая дистанцию, конечно же контролировалось слугой, хотя, надо признаться, я не удирала только из-за того, что не хотела неприятностей для не в чем не провинившегося человека.

Впрочем, особых глупостей, например прыжок в колодец, я не допускала и потому пользовалась заслуженным доверием. У меня была лишь одна, вполне безобидная страсть (вызывающая у Милады презрение) – собаки!

У отца была своя псарня охотничьих собак, у меня же своя собственная! Мое увлечение, ни коем образом не подходящее юной леди, осуждала вся знатная округа, (про домашних я уже не говорю), однако у отца был четкий приказ: «Никто не смеет ограничивать мои занятия, если те напрямую не угрожали моей жизни».

Был у меня и соратник, разделяющий мое страстное увлечение Колли, которых завезли в Россию гораздо позже, чем эта порода появилась у меня. Это был наследник английского лорда, который женился на русской аристократке и остался на родине жены проживать постоянно. Лорд Ричард Сен-Джон, был давним приятелем моего отца и поэтому являлся частым гостем в нашем доме. Юный Николас, его единственный сын, был старше меня, но это не помешало ему стать моим верным другом. Я помню, что буквально боготворила его, заглядывала ему в рот, ловя каждое слово, и нисколько не сомневалась в том, что именно он уготован судьбой мне в мужья.

Однажды случилась трагедия – скорпостижно скончалась мать Николаса. Миледи была молодой женщиной и ждала второго ребенка, которого, впрочем, с нетерпением ожидал и будущий старший брат. Ник делился со мной своими мечтами о младшем брате, воспитанием и обучением которого собирался заниматься самолично. Однако, судьба, не всегда справедливая, распорядилась иначе. Леди Сен – Джон, разрешившись ребенком, умерла, едва его родив. Новорожденный ни сделал ни единого вздоха и остался с матерью навсегда. Кто именно это был, Нику не сказали. Отец посчитал, что у сына и без того огромное горе и не стоит его усугублять.

После похорон матери Ник провел со мной целый день. Он не жаловался, не плакал, не злился и не ругался. Эмоций практически не было, он словно тень следовал за мной повсюду и молчал, а если рядом никого не было хватал меня за руку и до боли сжимал ее. Я молчала и терпела, мудро решив, что когда пройдет время, он сам заговорит. Совсем не к месту я была счастлива – ведь он пришел ко мне, именно мое общество ему было необходимо, а ни чье либо еще.

Едва окончился траур по усопшей жене, лорд Ричард Сен – Джон женился вторично. Накануне свадьбы Ник доверительно сообщил мне, что побаивается будущую мачеху.

– Она красивее вашей Милады в тысячу раз и холоднее во столько же, – угрюмо рассказывал он.

– Как злая колдунья, – уточнила я.

– Может быть! – испуганно воскликнул мой друг, – у нее кожа ледяная, как у змеи.

В день венчания, я поняла, о чем говорит Ник. Невеста, молодая женщина по имени Кларисса, была просто сказочно красивой. «Такую даже нарисовать невозможно» – решила я.

Жгучая брюнетка, как я, но с белоснежной фарфоровой кожей и глазами чернее самой черной безлунной ночи. Алые губы ярким изгибом украшали совершенное лицо. Она улыбалась, грациозно шествуя по проходу к алтарю. Я была уверена, что именно так улыбается волчица. Позднее Николас согласился со мной, и сказал, что ее глаза меняют цвет и чаще всего они янтарные, как у зверя.

Не прошло и полугода, как лорд Сен – Джон отправил Николаса учиться в Англию.

В глубине души я всегда знала, что это неизбежно произойдет, но когда услышала новость от самого Ника, ощутила на себе выражение «земля уходит из – под ног». Я не хотела, чтобы он запомнил мое заплаканное лицо, поэтому я на секунду повисла у него на шее, прижимаясь изо всех сил, а в следующее мгновение помчалась к своим собакам. Только там, в одиночестве, я могла излить свое горе. Расставание с Николасом было первым сильным и серьезным потрясением в моей жизни. Можно ли горячо влюбиться в двенадцать лет? Я точно знала, что да.

3

Мне исполнилось шестнадцать лет – возраст, в котором девушку начинают готовить для дебютного выхода в свет. Мачеха с ленивой обреченностью дала мне несколько уроков «правил поведения в высшем обществе» и пригласила лучших швей для моих будущих бальных туалетов.

Во время примерки платья Милада как-то высказалась:

– Испанку как не наряди, все равно ее смуглая кожа не привлечет ни одного завидного жениха!

Мачеха, пожав плечами, ответила:

– Почему же? Алиса – признанная дочь графа и любой знает, что его светлость ни за что не простит какую – либо фривольность в ее адрес. К тому же, у нее великолепное приданное.

– Вот – вот! Приданное! – Не унималась та, – А ты уверена, что его светлость дает не меньше за Анну?

Графиня смерила сестру тяжелым взглядом.

– Ты в своем уме, Милада? Анна его единственная законная наследница, к тому же, ей всего десять!

– Да, – вздохнула тетушка, – придется мне взять заботу об Анне на себя, если родная мать не желает.

– Ты не исправима, сестра, – спокойно ответила графиня, – и когда в тебе столько яда накопилось?

– В отличие от тебя, я беспокоюсь за будущее родной племянницы, – парировала Милада, и как всегда, высоко подняв подбородок, удалилась.

Проводив ее взглядом, мачеха королевским взмахом руки велела портнихам, которые «водили хоровод» вокруг меня, то втыкая, то вынимая булавки из складок будущего туалета, отойти. Пригладив ткань, она оглядела меня критическим взглядом, и одобрительно кивнув, вынесла вердикт:

– Несомненно, Алиса, ты эффектна и в первом же сезоне найдется немало претендентов на твою руку.

«Или мое приданное» – с горечью подумала я, впечатленная тирадой Милады.

Все-таки мачеха на самом деле не желала мне плохого, или же, поскорее выдав меня замуж, желала вплотную заняться обустройством будущего Анны. Ну и второй вариант: показать всему обществу, как она добра к падчерице и любит ее как свою родную дочь.

Мой первый бал решили провести в нашем загородном особняке, где, собственно, мы постоянно и жили, когда отец не уезжал в Испанию.

Наш дом был поистине роскошен. Единицы дворян могли себе позволить подобный. Знатные соседи, окружавшие нас, взирали на него с благоговением и затаенной завистью.

Первый этаж был «служебный» и предназначался для размещения многочисленной прислуги, там же находились кладовые для хранения продуктов, товаров или других ценностей.

Второй этаж включал в себя парадные комнаты: прихожие, зал, несколько гостиных, хозяйские покои и диванные – для принужденного общения между взрослыми членами семьи, родственниками и близкими знакомыми, обставленные, соответственно диванами, в том числе угловыми. Там же находилось несколько будуаров – женских кабинетов, и портретная комната с многочисленными портретами предков. Везде были мебельные гарнитуры, окрашенные под зеленую, «античную» бронзу с позолоченными резными деталями, а так же мебель из красного дерева, сравнительно простая, но современная по форме. Но самым роскошным был интерьер зала – двухсветного, с колоннами вокруг стен, хорами для музыкантов

и большими печами с колонками, карнизами, вазами и рельефами. Топки этих печей находились на первом этаже. Колонны и стены и зала были облицованы мрамором, а стены украшены росписью.

К балу готовились особенно тщательно, обговаривался каждый нюанс, каждая деталь. Несколько гостиных специально отводили под игру в карты. Приглашали на бал письменно, на графской бумаге и неизменно с его печатью.

Признаться, мой первый бал не произвел на меня такого сильного впечатления, как на соседских дочерей (они делились со мной впечатлениями во время визитов их родителей). По поводу многочисленных кавалеров мачеха оказалась права – они не давали прохода, заставляя меня ловить на себе взгляды «имени тетушки Милады» других девушек на выданье и их мамаш – наседок. Однако поклонники лишь раздражали: «один – дурак, другой – помешан, а третий им двоим подстать!» А выглядела я и впрямь великолепно, и убедилась в этом, когда Милада оглядев меня, гордо вздернула подбородок и, не сказав ни слова – ушла. Нежно – розовое платье выгодно подчеркивало мою смуглость, хотя в моде была бледность, белые оголенные плечи и шея. Мои плечи были оголены лишь совсем чуть – чуть, волосы завитками спадали на округлые «вздутые» рукава. Открытая шея позволяла «выделить» голову и в моде были сложные приподнятые прически, но в моем случае – ведь я была дебютанткой – все украшение прически составлял гребень, который приподнимал мои кудри к макушке, не открывая шеи. В целом я выглядела «ослепительной», как сказал мой отец во время генеральной примерки, но невинной и целомудренной.

Бальный зал поражал своим праздничным убранством и великолепием. Накануне были вынесены все «лишние» предметы мебели, остались лишь стулья и кресла вдоль стен, на которых располагались не танцующие или же дамы и кавалеры, ожидающие своей очереди.

Время от времени лакеи обносили гостей прохладительными напитками: лимонадом, вкусным коктейлем из миндального молока, квасом, морсом, а так же сладостями и фруктами. После окончания танцев графская чета «выпроваживала» из зала гостей и тут же слуги вносили полностью накрытые столы. Когда все было готово, мой отец подал руку самой почтенной гостье (это была боготворимая всеми и откровенно пугающая меня леди Кларисса Сен – Джон), а мачеха самому знатнейшему гостю (представителю королевской семьи). Следом за ними попарно все гости отправлялись ужинать.

В общем, для разнообразия серых будней – это было неплохо, особенно наблюдение за тем, как Милада скрипела зубами от досады. По ее предположению, я должна была горько плакать в своей комнате, смирившись с судьбой – злодейкой и мысленно готовиться посвятить свое одинокое существование во благо Анны.

Я не знаю, как сложилась бы моя дальнейшая светская жизнь, выбери я мужа из тех маменьких сынков, кому была представлена и тем более тех, кто с улыбкой идиота, получившего в подарок корзину сладких пончиков, представился сам. Возможно, Милада помучилась бы изжогой неделю – другую, но уговорив себя, что я несчастна, успокоилась и с удвоенным рвением принялась бы устраивать счастливую и богатую жизнь любимой племянницы леди Анны.

4

До моего двадцатилетия оставались считанные дни. Шли традиционные приготовления к приему в мою честь.

Отец попросил меня зайти к нему в кабинет для серьезного разговора. Конечно, я догадывалась о чем пойдет речь, ведь двадцать лет уже почтенный возраст и скоро в высшем обществе мне вынесут суровый приговор несостоявшейся невесты или что – то в этом роде.

Я должна сделать выбор. Ничто меня так не пугало, как жизнь с тупоголовым отпрыском каких – ни будь родовитых соседей или же городским пижоном. Выбрать было настолько не из кого, что даже Милада была относительно спокойна. Несмотря на то, что она была жабой по своей сути – в уме этой яркой представительнице земноводных, никак не откажешь. Может быть и замуж – то идти за того парня она отказалась не из корысти, ведь недалеких богачей хватало и двадцать лет назад.

Отец что-то писал, низко наклонив голову над листом бумаги. Он так увлекся, что не услышал, как открылась дверь и мои шаги по ковру. Я тихонько опустила в кресло напротив его роскошного письменного стола, привезенного из Испании, работы очень известного там краснодеревщика, и принялась наблюдать за ним.

Граф был очень сосредоточен, его губы беззвучно шевелились в такт скрежета пера о бумагу. Наконец, размашистым росчерком он подписал составленный документ, и обратил на меня внимание.

– О, Алиса! Я и не слышал тебя, – его мягкая улыбка особым светом отразилась в ярко – голубых глазах отца. Он провел рукой по густой белокурой шевелюре, которую совсем немного тронула благородная седина, отложил перо и документ в сторону, встал из – за стола и сел в кресло, стоящее напротив моего.

– Нус, дамочка, что же мне с тобой делать? – Лукаво спросил он. Судя по всему настроение у него было великолепное и, кажется, любящий отец что-то придумал. Мое сердце подпрыгнуло в надежде, ведь плохого от него точно ждать не приходилось.

– Алиса, – уже серьезно начал он, немного наклонившись ко мне.

– Я не раз говорил тебе, что твой ум не сравнится ни с одним из этих юнцов, увивающихся за тобой. Я отлично тебя понимаю, но дорогая, так уж сложилось, что ты женщина и обязана создать семью, да ты и сама это знаешь, – вздохнул он. – Я особенно не посвящал тебя в свои коммерческие дела, однако даже из «случайно подслушанного», – тут он усмехнулся, – ты делала правильные выводы и более того, в чем – то пыталась мне советовать. Лучше тебя мне приемника не найти, однако.., – на мгновение он задумался, а за тем продолжил:

– Им может стать ну... скажем, тот, кого ты сама признаешь, – загадочно улыбаясь, отец взял меня за руку.

– Твоя жена беременна! – толи испуганно, толи отчаянно воскликнула я, выдергивая свою руку. С Анной я смирилась и даже по-своему полюбила, но еще один ребенок... Хотя... Может быть, тогда они все отвяжутся от меня? И почему именно я должна его признать?

– Растерянный вид тебе не идет, – снова улыбнулся он. – Нет, Анастасия не беременна и вряд ли такое случится, – равнодушно уточнил он.

– Николас Сен – Джон вернулся домой.

Нет, сердце не может так сильно стучать! Оно не выдержит и остановится. Я сделала несколько глубоких вдохов, ведь двадцатилетняя леди не может на глазах у кого то, пусть даже самого близкого, пуститься в пляс с громким визгом.

Для отца я была открытой книгой и, разумеется, он все понял по моей реакции, да ему как никому были известны подробности нашей дружбы. Он просто не мог не заметить тогда,

восемь лет назад, насколько тяжело мне было после расставания с Ником, как я горевала и украдкой плакала, жалуясь своим собакам на одиночество.

– Надо заметить, Николас произвел на меня большое впечатление, – на секунду граф превратился, внимательно вглядываясь в мое лицо, – Ему скоро исполнится тридцать лет – вполне состоявшийся мужчина: умен, образован, приятен в общении. Так что, Ник должен тебе понравиться. Он приглашен мной на прием в твою честь.

– А если он не захочет! – Воскликнула я. – Он бы уже давно увиделся со мной, как только приехал! – Мысль о том, что он не дал о себе знать, даже передав с посыльным записку, причинила настоящую боль.

– Милая ты моя, сейчас ты ведешь себя как подросток, – мягко пристыдил отец, – Нику тогда было двадцать лет, а тебе двенадцать. Романтика виделась только тебе. Уж сейчас то, ты должна это понимать. Изменилась ты, изменился и он. Подходите ли вы друг другу – решать вам самим. И потом, – добавил он, гордо улыбаясь, – Кто же устоит перед черноокой красавицей как ты? Это ему надо опасаться за риск быть отвергнутым.

С легкой улыбкой на лице я шла по коридору в свою спальню и, поравнявшись с дверью в комнату Милады, невольно приостановилась – хотелось пожелать ей спокойной ночи и сладких снов, ну или что обычно снится змеям.

Еще никогда я не ждала своего дня рождения с таким трепетом, и причиной тому, естественно Николас Сен – Джон. Богатое воображение рисовало мне его нынешний портрет, характер, привычки и даже наше совместное счастливое будущее. А еще в большой восторг приводила мысль о самом заботливом и понимающем отце на свете.

До бала оставалось ровно два дня. Как всегда дом бурлил приготовлениями: суета, беготня, пререкания между слугами. Но отчетливей всего по дому разносился командный голос Милады. Не важно, что прием в мою честь, командовать каждый день – это одно, а уж по поводу, даже по такому как мой день рождения, Миладе повелело проведение (если вообще что – то или кто – то могли ей повелеть)

Вечером, после ужина, отец выбрал удобный момент, когда рядом никого не было, подошел ко мне и прошептал на ухо:

– Завтра утром по – раньше, что бы вернуться к завтраку, встретимся у конюшни. Лошади будут готовы. Прогуляемся?

От волнения я смогла лишь кивнуть. В эту ночь я долго не могла уснуть, переполняемая предвкушением завтрашнего дня. Произойдет что – то важное, я точно это знала.

Мы отъехали от дома довольно далеко, когда отец, скакавший впереди, притормозил свою лошадь. Я остановилась рядом. Он смотрел на меня и грустно улыбался.

– Как ты сейчас красива и так сильно похожа на свою мать, – проговорил он. Я заметила блеснувшую слезинку в его глазах и волшебство этого чудесного утра начало таять, когда послышался топот приближающейся к нам лошади. Деревья (мы доехали до леса, отделяющего соседние имение) словно в сказке расступились в стороны, и показался всадник, уже через минуту оказавшийся возле нас.

– Доброе утро, граф! Доброе утро, принцесса! – воскликнул он, слегка приподнимая шляпу и широко улыбаясь.

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам и шее. Это прозвище, которое он дал мне в детстве, прозвучало сейчас как то очень интимно. Внезапно захотелось спрыгнуть с лошади и спрятаться за нее. Увидев Ника, я поняла, что мое воображение, рисовавшее его портрет, оказалось очень скудным.

Возмужавший Николас Сен – Джон в одно мгновение, словно меткий херувимчик, поразили мою душу и сердце, когда соскочил со своей лошади и подошел ко мне. Он оторвал мою

руку, вцепившуюся мертвой хваткой в поводья, и поцеловал ее, не отрывая взгляда от моего лица. Если долго смотреть в его глубокие карие глаза можно полностью лишиться своей воли.

– Доброе утро, Ник, – услышала я где то очень далеко голос отца, – Это моя повзрослевшая и похорошевшая дочь!

– Очень приятно вновь видеть вашу светлость. Отец рассказывал о вашем возвращении...

Николаас и отец раскатисто захохотали, а я густо покраснела от злости на себя, потому что повела себя как юная дурочка, которую пригласил на танец первый в ее жизни кавалер.

– Пожалуйста, называйте меня просто Ником, – попросила «его светлость», продолжая широко улыбаться и не отпуская моей руки. Я попыталась ее отнять, но не тут то было.

– Алиса, да что с тобой, подруга юности моей?! – Воскликнул он, – ты словно чужая и видишь меня впервые.

Страхнув остатки оцепенения и кое – как взяв себя в руки, я пролепетала:

– Мы не вчера расстались и... вы изменились.

– Да перестань мне выкать, черт возьми, – проворчал Ник и выпустил, наконец, мою руку, – Ты то же не та прыщавая девчонка, играющая с собачками!

Моя половина испанской крови начинала закипать.

– Что значит «собачками»?! Колли во всей России только у меня, и если тебя подводит память в твои «преклонные» годы, я напомню, что ты тоже любил возиться с моими собаками!

– Я не сильно вам мешаю, молодые люди? – вежливо поинтересовался отец, старательно пряча улыбку.

– Ты стала очень красивой девушкой, Алиса, – уже совсем другим тоном проговорил Ник и подтвердил слова ласковым взглядом.

Мы немного проехали по дороге вдоль леса. Ник задал мне пару дежурных вопросов, пристально вглядываясь в мое лицо, словно желал запечатлеть каждую его черту, что бы потом нарисовать по памяти. Я что то отвечала, опасаясь, что ему слышно как бешено колотится мое сердце. Когда возникла неловкая пауза, на помощь пришел отец, спросив о Ричарде Сен – Джоне, его делах и планах. Я не слышала, что именно отвечал Ник, только слушала его голос как любимую музыку.

До меня долетела лишь последняя фраза отца:

– Нам пора возвращаться, Николаас, мы уехали втайне от всех, так что нельзя опаздывать к завтраку. До завтра.

«До завтра» – прозвучало волшебно. Ник снова поцеловал мою руку, немного дольше удерживая в своей, и мы разъехались. Я заставила себя не оглядываться, точно зная, что он смотрит нам вслед.

5

Гости прибывали. Настроение было великолепным. Я порхала по залу, лучезарно улыбаясь всем и каждому, не переставая при этом напрягать слух, когда мажордом громко провозглашал о прибытии нового гостя.

– Лорд и леди Сен – Джон! – донеслось из парадной.

А Николас?! – чуть было вслух не вырвалось у меня. Я поспешила разведать, что к чему. Сер Ричард и леди Кларисса раскланивались с мачехой и отцом. Кларисса просто заворожила. С ее появлением все как то стихло, на миг умолкли голоса. Как же она была прекрасна! Неестественно белая кожа выделяла ее даже среди специально выбеленных красавиц. Безупречные жемчужные зубы обнажились в хищной улыбке, когда я подошла совсем близко. Кларисса взяла меня за руку и поцеловала в щеку. Ее кожа даже сквозь перчатку была холодной, а алые чувственные губы – напротив, теплые и мягкие.

Может, она просто все время мерзнет? Но как бы то ни было, все равно она внушала необъяснимый страх.

– С Днем Рождения, дорогая, – проникновенно проговорила она, – Николас прибудет с минуту на минуту.

Вот так – то лучше! Мне уже было наплевать на ее неземную красоту и белую кожу, скоро я увижу его! Это было главным.

Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем я, наконец, услышала:

– Его светлость милорд Николас Сен – Джон!

Сердце замерло, но через секунду бешено застучало во всех частях моего ослабевшего тела.

Мачеха с отцом поспешили приветствовать его, а я готова была стреножить саму себя, что бы ни нарушить пресловутый этикет и не обогнать графскую чету хозяев, расталкивая их локтями в разные стороны. Более того, я ощутила жгучее желание разогнать всех гостей, дабы не мешали мне строить личное счастье.

Что – то было не так. Я даже ощутила холод вокруг себя. Несомненно, он был великолепен в парадном фраке, однако, его улыбка показалась мне фальшивой, а глаза холодные и злые.

Он сдержанно приветствовал отца и мачеху и едва обратил внимание на меня – ровно столько, сколько требовали приличия. Сказать, что я была растеряна, значит ни сказать ничего. Своим поведением Ник ударил меня с такой силой, что захотелось со всех ног бежать, куда глаза глядят – лишь бы подальше из этого зала и дома.

Словно управляемая кукловодом, я продолжала выполнять свои обязанности: беседовала, «мило» улыбалась и решила для себя, что непременно добьюсь объяснения. Невероятно измучил отряд поклонников, наперебой приглашающих танцевать или прогуляться по саду. Хотелось заорать, послать всех до одного ко всем чертям! На фоне Николаса все как один выглядели жалкими и убогими. Я прилагала невероятные усилия, что бы ни следить за ним взглядом.

Бал подходил к концу, и я буквально отсчитывала последние минуты, что бы удалиться никого не обидев, когда над моим ухом прошептал его голос:

– Не окажите ли мне честь прогуляться со мной по саду?

«Убью под кустом» – была моя следующая мысль.

– С удовольствием, ваша светлость, – радуясь собственному самообладанию, ответила я.

Как джентльмен, он предложил мне руку, но проигнорировав сей жест, я вопреки всем чертовым правилам, зашагала к выходу впереди него. Уже в саду, догнав меня, он бесцеремонно схватил меня под локоть и развернул к себе.

– О, какие искры мы метаем, достойные праздничного фейерверка! – ухмыльнулся он.

Я вырвала руку, отступила на шаг и яростно прошипела:

– Я в чем – то провинилась перед вами, милорд? Почему вы позволяете себе так со мной обращаться?!

– Я обращаюсь с вами так, леди, как вы того заслуживаете, – его губы превратились в тонкую линию, а запомнившиеся мягкие карие глаза сейчас были черны от непонятого мне гнева.

– Как находчиво, – продолжал он, – Подбросить графу идею о браке со мной! На балу вы пользовались невероятным успехом, отчего же вы не выбрали ни одного из этих болванов? Это ж надо! За моей спиной ваш отец уже все обговорил с моим, и все за меня решили! А я-то думал, какого дьявола мой старик попросил вернуться домой?! А тут вон что, невеста меня поджидает!

– Пойду все же выберу кого – ни будь из «болванов», пока не разъехались, – более ничего не пришло мне на ум из-за возникшего гула в голове, который мешал соображать ясно. И еще я поняла что, оказывается, испытывает пойманная рыба, или зверь, угодивший в волчью яму.

«Отец!» – пульсировало в голове, «если ты ничего не объяснишь, я сойду с ума и порадую тетушку Миладу»

О том, как я себя чувствовала в ту ночь, и говорить не приходится. Больше всего злила неизвестность. Какая договоренность? Что вообще произошло?

На следующий день мне удалось лишь мельком, издали увидеть отца, когда он уезжал со двора. К завтраку он не вышел – что означало его дурное настроение или огромную занятость, хотя я склонялась к первому.

Новый долгий день в неизвестности. Закравшиеся в голову мысли не давали покоя, вызывая боль. Вид у меня был настолько мрачный, что даже Милада без ехидства поинтересовалась, отчего цвет моего лица такой серый.

Прошло два дня, прежде чем вернулся отец. За это время я осунулась так, невероятно напугав мою добрую старушку, что не понадобился корсет – платье и без того висело как на вешалке.

– Ты не заболела? – тревожно спросил отец, едва успев стряхнуть дорожную пыль.

– Нам надо поговорить, – решительно заявила я в ответ.

– Это несомненно, – кивнул он – Жду тебя в кабинете, и распорядись подать чай, не могу на тебя смотреть, одни глаза остались.

Несколько минут спустя я сидела в том же кресле, с которого накануне поднялась такой счастливой и вяло жевала безвкусную творожную булку, хотя точно знала, что она являлась шедевром нашей поварихи и просто таяла во рту.

И сколько бы Милада не твердила, что девушка должна есть как маленький воробушек, я игнорировала ее поучения. Именно эти булочки заставляли вспоминать исключительно очень крупных птиц.

– Кажется, я знаю, что произошло, – без обиняков начал отец. – У нас с Ричардом Сен – Джоном состоялся разговор, касавшийся вас с Николасом. Ричард говорил о том, что уже начал опасаться умереть, не дождавшись внуков. Он уже в преклонном возрасте, а его молодая супруга леди Кларисса детей иметь не может...

– Так вот, – тяжело вздохнул отец и продолжил:

– До сих пор Николас не выбрал себе невесту, ни среди англичанок, ни на Родине. Ричард так же рассказал, что сын поделился с ним своим мнением о тебе, после нашей встречи на прогулке. Ник сказал, что ты из долговязого подростка превратилась в очень красивую девушку, – он жестом пресек мое негодование, готовое вырваться наружу и продолжил:

– Высказавшись по этому поводу, лорд заметил, что было бы великолепно повенчать вас. Боюсь, Ник все слышал и истолковал разговор неверно. Мне очень жаль, Алиса, и я непременно берусь все уладить.

Противный холод пробежал по спине. Я встала с кресла, сжав недоеденную булку так сильно, что раскрошила на ковер.

– Прошу тебя, папа, не надо, – уверенно попросила я. – Ничего не надо улаживать, раз сама мысль о браке со мной вызвало в нем такую бурю негодования.

– Да пойми же ты, отец встал с кресла и навис над столом, заглядывая мне в глаза, – Не мысль о женитьбе на тебе разозлила его, а то, что не спросили его собственного мнения на этот счет.

– Прости меня, но я думаю иначе. Ты просто не видел, насколько сильна была его ярость, и он твердо уверен, будто бы я сама просила тебя обсудить с его отцом нашу помолвку.

– Я видел вас в саду, – нахмурился отец, – И что же там произошло?

Я покачала головой и попросила:

– Пожалуйста, ради Бога, ничего не надо предпринимать. Я очень прошу тебя.

6

Последующие дни я провела словно в агонии, принимала и тут же отменяла принятые решения, будто плутая по лабиринту в собственной голове.

Отец уехал по делам, пообещав, что все устроится и все будет хорошо, что бы я его дождалась и не надела глупости. Хотя самую большую глупость, что я могла совершить – это выбрать мужа из первого попавшегося воздыхателя, решив таким образом все текущие вопросы, перетекающие в проблемы, связанные с моим незавидным положением невесты – переростка. Однако и здесь совершить подобное без отцовского благословения было невозможно.

Как то вечером, когда перед сном няня, до сих пор считающая меня ребенком, принесла кружку горячего какао, у нас состоялся достаточно серьезный разговор. Я прислушивалась к ней и ее мнению, ведь она заменила мне мать.

Именно она объясняла те вещи, которые меня пугали и смущали по мере моего взросления и превращения в молодую женщину. Я любила и ценила ее, мою добрую старушку.

– Ася, – только она так называла меня, – Ты уже взрослая, самостоятельная и достаточно умная девочка, – начала она, присев на край моей кровати.

– Уверена, что ты понимаешь, как важно определиться в жизни. Еще год – два и предложения о замужестве закончатся. И кем ты станешь? Подобно Миладе заботиться о детях Анны?

– И ты туда же! – раздраженно бросила я, едва не расплескав какао на постель.

– Ну, дык, господин граф переживает за тебя, да и не мне тебе рассказывать, как сильно он тебя любит и желает счастья... А что, кто еще с тобой говорил? Уж не Милада ли?

– Стала бы я с ней разговаривать, – отмахнулась я, – У нее есть о ком заботиться. Такое впечатление, что Анна уже на выданье. Замучила ее совсем!

– И то верно, – кивнула няня, – Хотя она змея еще та, а уж теперь, когда у вас с милордом не заладилось... – при этих словах она опасливо втянула голову в плечи.

Смерив ее тяжелым взглядом, я поставила недопитую кружку на прикроватную тумбочку.

– Подслушала?

– А как же мне еще узнать, что случилось? – Негодую воскликнула она, – Я что, слепая?! Буд то не видела, что с тобой сделалось, будь неладен этот бал, и милорд вместе с ним! Только я увидела, как ты прошмыгнула в кабинет к отцу, тот час пробралась следом, ну..., – она якобы виновато опустила глаза, – Притаилась и послушала... немножко.

– Понятно, – вздохнула я. – В таком случае давай, выкладывай, что думаешь по этому поводу.

– А чего тут думать? – пожала плечами старушка, – Смири немножко пыл-то свой, ты ж ведь огонь! Пусть отец уладит это, позволь ему, он разъяснится с молодым лордом и тот сам к тебе примчится, прощенья – то просить. Это легче всего гордость то продемонстрировать. Вон Милада то догордилась! И что?

– Что?

– Ведьма! – уверенно заявила няня.

– Не могу не согласиться, – кивнула я. – Только не пойму, причем тут гордость? Дело в том, что он пришел в ужас от мысли жениться на мне, если бы ты видела, как зол он был!

– Какая же ты упрямая, Ася! – воскликнула она, – Ну какой нормальный мужик, не важно, кузнец он или лорд, ити его мать, обрадуется, когда с ним не обговорили такое серьезное дело! Вот тебе, к примеру, – увлеченно продолжала женщина, – Понравилось бы, если б отец настоял на браке с одним из этих самодовольных хлыщей?

– Что ты такое говоришь? – Уже разозлилась я, – Отец никогда так не поступит со мной!

– То-то, – удовлетворенно кивнула она, – А ему какво? Тем более что вы в детстве дружили, и ты ему нравилась.

– Он обзывал меня долговязым подростком! – Изо всех сил защищалась я.

– Тьфу ты, бестия! А кто ж ты была в двенадцать то лет? Жердь!

– Спасибо! И хочу напомнить, что он был гораздо старше меня и вряд ли рассматривал как невесту, – проворчала я раздраженно. Нянина тирада имела определенный смысл.

– Что старше, что младше – один леший! Как мужик сказал, так по – бабьему и будет.

Я много размышляла над своей дальнейшей жизнью. Может быть, моя мудрая няня во многом права. Действительно, стоило выбрать какого-нибудь мягкотелого и слабохарактерного сынка благородного рода, которым я могла бы управлять и командовать, и вот она – свобода и конец всем пересудам. Нужно было терпеть лишь супружеские обязанности время от времени и родить ребенка, день и ночь умоляя Господа наделить его моим характером и умом.

Была же в нашей округе одна семейка, главой которой считался щуплый, рано облысевший, с мышинными чертами лица господин, сквозь очки взирающий на свою дородную половину, обладающую звучным голосом полковника. Безусловно, главной была она. Воевода в платье умело управляла всем домом, имением, выводком дочерей, ну и, разумеется, мужем. Все и всегда решала она, а супруг лишь выражал ее статус замужний уважаемой дамы. Только ленивый не шутил на тему, что ее брехливая болонка обладает большими правами на выражение своего мнения, нежели благоверный. Что же мешает мне устроить свою собственную жизнь подобным образом? Вернее сказать не что, а кто! Чувство к Нику зародилось с самого детства и заполняло меня все годы, превратившись к настоящему времени в слепое обожание.

Все чаще мне хотелось уединиться, и я часами пропадала, катаясь по окрестностям – то пуская лошадь во весь опор, то просто прогуливаясь по лугу, ведя ее под уздцы. Больше времени стала проводить в моей псарне. Как в детстве, я снова, теряясь во времени, возилась со щенками, играя с ними, и выкармливала из соски, вычесывала шерсть взрослых собак. Именно за этим занятием и застал меня Ник, неожиданно появившись за моей спиной. Я испуганно обернулась, прижимая к себе щенка, которого только что взяла на руки.

Мягкая улыбка визитера обескураживала. Какого черта? Невольно мои глаза стали выискивать вокруг что – ни будь по тяжелее, что бы запустить в эти неприлично ровные зубы. Не многовато ли для одного?

– Здравствуй Алиса, – совершенно спокойно, без ожидаемой издевки поздоровался он, красивый даже в простом костюме для верховой езды. Я бережно опустила щенка и выпрямилась во весь довольно немаленький рост, и все же едва доставала ему до плеча.

– Если ты не собираешься меня побить, – еще шире улыбнулся «его светлость», – То рискну попросить тебя прогуляться со мной. Нам надо поговорить.

– Поговорили уже на балу, – испанская половина крови настаивала покончить с ним прямо здесь и попросить конюха помочь закопать тело, но предательское сердце выпрыгивало наружу и мешало дышать.

– Я неподобающе одета для прогулки, – услышала я собственное лепетание. Вот дура!

– В собственном саду тебе и не понадобится наряд и драгоценности, – сумничал Ник.

– Ни тебе решать, где и как мне одеваться, – огрызнулась я. – Твоему появлению здесь способствовал мой отец?

– Только тем, что способствовал твоему появлению на свет, – ухмыльнулся он.

– Дело не в этом. Я счел необходимым объясниться и признать, что был излишне резок с тобой. Выслушай меня! – Он предостерегающе поднял руку, увидев мое намеренье прокомментировать «его резкость».

– Трепетно тебе внимаю, у тебя минута, – я разгребла сено на лавке и уселась, с деланным равнодушием скрестив руки на груди.

- Ну и изжога же ты, Алиса!
- Не отвлекайся.
- Так уж получилось... – начал он
- Возьми вон ту скамейку, она чистая, – пояснила я, заметив его скептическое выражение лица, – У меня шея устанет смотреть на тебя снизу вверх.
- Да ладно, у меня же всего минута...
- Степан! Ты сможешь закопать тело? – крикнула я в проем открытых дверей псарни. Через мгновение Николас уже сидел на скамейке напротив меня.
- Так вот, – его лицо стало очень серьезным, – Моя жизнь в Лондоне складывается очень даже неплохо. У меня свой дом; свое, не зависимое от отца дело, приносящее довольно существенные доходы. Есть женщина, не требующая от меня обязательств и хорошие друзья. И меня все это устраивает, понимаешь?
- Я сжала кулаки так крепко, что ногти вонзились в ладони, однако «понимающе» кивнула.
- Тем не менее, я осознаю свой долг перед своей семьей и титулом. Я знаю, что обязан создать свою семью и подарить нашему роду наследника.
- Я словно глупый попугай снова кивнула, борясь с отчаянным желанием сбежать и где – ни будь спрятаться.
- И вот что я подумал, – делая паузы между словами и пристально заглядывая в мое лицо, с некоторой опаской продолжил: – В общем, я считаю, что наш брак очень даже неплохой компромисс для нас обоих, отличный взаимовыгодный союз, при котором мы оба останемся хозяевами своих жизней.
- «А ты будешь продолжать отношения с женщиной, не требующей обязательств», чуть было не рявкнула я вслух.
- Ну, что скажешь? – как ни в чем не бывало, спросил Ник, будто пригласил меня на танец.
- Если бы я знала. Уставившись на играющих щенков, я все же проговорила:
- Я подумаю. Вопрос остается открытым.
- Чего тут думать то? – Искренне удивился «жених»
- Приезжай через пару дней.

7

Вечером я не удержалась и обо всем рассказала няне, когда та пришла ко мне согласно ей же заведенной традиции. От радости она едва удержала поднос с чашкой горячего какао, но заметив мое совсем не радостное выражение лица, помрачнела. С тяжелым вздохом она спросила:

– Ну и чем же ты опять не довольна? Ведь все складывается в твою пользу. А что до женщины, дык у какого мужика ее нет? Все они кобеляки, все до одного! А вот после женитьбы – другое дело: остепенятся, наденут халат и барствуют в родном имении – брюхо растут.

Я улыбнулась:

– А как же мой отец? Вот уж он – то точно не такой.

– О, граф – это исключение. Он особенный, – с искренним почтением отозвалась старушка.

– Вот и Ник мне таким же кажется, – грустно вздохнула я.

– Ну, вот поживешь с ним – увидишь.

Мнение няни на этот счет было однозначным. Более того, она настолько была уверена в моем согласии, что даже не попыталась убедить меня в этом. Да и что там убеждать? Еще не признавшись самой себе, я уже знала, что на все согласна, лишь бы быть частью его жизни. Моя гордость проиграла сражение с чувством к нему. Я с удовольствием, но ненадолго, убедила себя, что как только родится ребенок, любовь к малышу сблизит нас с Ником, и он поймет, что без меня не представляет своей жизни. Мое сердце в это верило, а разум твердил обратное, убеждая смириться с правдой.

Буквально на следующий день во время моей ежедневной прогулки на лошади, он вырос словно из – под земли на своем статном жеребце. Я даже не успела заметить, с какой стороны он появился. На мой резонный вопрос как он меня нашел, с неизменной улыбкой Ник признался, что расспросил у нашего конюха, когда я выезжаю и как часто. Все банально просто, и никаких тебе ожиданий «любимой» по целому дню напролет, ни тайных свиданий при луне.

В сотый раз я напомнила себе, что необходимо забыть про все романтические мечты о семейной жизни. Деловой взаимовыгодный союз! Не больше.

Едва поздоровавшись и даже не слезая с лошади, он поинтересовался, подумала ли я. Равнодушие «жениха» охладило мое волнение, возникшее при виде его.

Мой ответ был краток:

– Завтра из города приезжает мой отец, и вам, я полагаю, надлежит обсудить это с ним.

А ты, Алиса? Что скажешь ты? – необычайно тихо, без улыбки, спросил он. Пытливый взгляд проникал в самую душу.

Собрав остатки достоинства я, начав разворачивать лошадь ответила:

– Меня устраивает твое предложение, поэтому – да.

По прибытию графа Николас явился с официальным визитом.

Накануне я предупредила отца о произошедших переменах в его отсутствии. Он был рад и озадачен одновременно. По моей просьбе он не объяснялся с Ником и поэтому недоумевал, от чего тот так резко изменил свое решение. Я не сумела скрыть истину от отца и все ему рассказала. Он очень долго смотрел на меня и молчал, а за тем крепко обнял и, поцеловав, сказал лишь одну фразу:

– Ты очень мудрая, Алиса, несмотря на свой юный возраст.

Известие о предстоящей свадьбе потрясло весь дом. То, что последовало дальше, отчетливо показало насколько спокойной и безмятежной была моя жизнь, в которой не было ничего ужаснее недовольства и брюзжания Милады.

В этот же день, Когда Ник просил моей руки у отца, мачеха впервые бурно поспорила с ним. Всегда спокойная и уравновешенная, державшая под контролем все свои эмоции, вдруг сорвалась. Ее крик, доносившийся из – за плотно закрытых дверей кабинета отца, был слышен на весь дом. Сама ли она решила выяснить отношение с мужем, или же подначила ее сестрица – не знаю, но новость о моем предстоящем замужестве с Николасом поразила ее грозовой молнией.

– А как же Анна, ваша светлость?! – возмутилась она, – Ведь Николас Сен – Джон идеальная партия для нее!

– Не забываете, мадам, – холодно и спокойно отвечал отец, – Анне только двенадцать лет. Уверен, когда ей исполнится шестнадцать, и для нее найдется достойный муж.

– И что? – Не унималась мачеха, – Еще каких – то пару лет и можно объявлять о помолвке!

– Ты забываешься Анастасия! – не выдержав закричал отец, – Алисия моя старшая дочь и имеет ровно такие же права, как и Анна. Я не намерен хоть в чем – то обделять ее и ставить интересы Анны выше! Помнится, еще накануне нашего с вами венчания я упоминал об этом, и вы, разрешите напомнить, согласились со мной. Так в чем же дело?

– Но... – задыхаясь, отвечала графиня, – У Алисии масса предложений, почему она не выбрала никого из тех достойных молодых людей?!

– Она выбрала Сен – Джона, мадам! Все, разговор на эту тему исчерпан! Будьте добры, добросовестно выполнить свои обязанности и заняться приготовлением к свадьбе.

Багровая от гнева, мачеха вылетела из кабинета, громко хлопнув дверью, и помчалась в свой будуар. Возникшая из воздуха Милада поспешила за ней. Я в этот момент стояла за широкой колонной лестницы. Няня, подобно Миладе материализовалась рядом.

– Ведьмы сейчас продолжают шабаш у графини в будуаре, – шепнула она скорее себе, чем мне, – Ты иди в сад, посиди в беседке и успокойся, а я пойду-ка раз узнаю, о чем они толкуют.

– Не стоит, – попыталась урезонить я любознательную женщину, – Отец сам с ними разберется.

Но она меня уже не слышала – разведка короля работала добросовестно.

Относительно спокойная я побрела в сад. Решение уже было принято мной и Ником, благословление отца мы получили, а мнение этих двух сестричек никто не спрашивал. Беспokoиться не о чем – искренне считала я и как же сильно ошибалась. Если бы только знала, что меня ждет...

Это было обычное утро – обычного летнего теплого и солнечного дня. Рано утром отец уехал в город заниматься моим приданным.

Только что закончился завтрак, прошедший в полнейшей тишине, лишь мачеха и Милада обменивались загадочными взглядами, тем самым показывая свое презрительное игнорирование моей столь значительной в эти дни персоне.

Со двора донесся топот копыт, и послышались возгласы.

– Узнай, что там, – повелительно сказала Милада дворецкому.

Однако дворецкий не успел и шагу сделать к дверям, как они распахнулись, и вошло сразу шесть человек – все они были мне знакомы – это двое друзей отца и управляющие его делами в городе.

То, что они сказали, дошло до меня сразу. Я почувствовала как бешено забилося сердце, в голове что – то сильно застучало, по всему телу пробежались ледяные мурашки, а ноги вдруг перестали держать.

К сожалению, я не лишилась чувств, а только вцепилась в спинку стула, с которого только что встала. Все тело пронзила судорога, и стало очень холодно.

– Он застрелил господина... – доносилось до меня, – Тот выпил и позволил себе обсуждать брак сэра Николаса Сен – Джона с вашей падчерицей, мадам, – говоривший человек промокнул вспотевший лоб, – Он позволил себе неуважительно отозваться о госпоже Алисии, тогда граф выстрелил в него, а после... после схватился за сердце и упал... он умер, госпожа графиня.

Что было дальше – я не помню, наверно потому, что часть меня умерла вместе с ним. Смутно помню лишь то, как няня время от времени давала мне пить какую – то траву, а потом я лежала с открытыми глазами и мысленно умоляла его простить меня, ведь это случилось из – за меня. Во всем виновата я.

Ночью я спустилась в его кабинет, зажгла свечу и долго сидела в его кресле, перебирая на столе каждую бумажку, каждую мелочь, которой он касался.

Когда дурман травы ослабевал, я начинала ждать, а может быть даже хотеть того, что бы мачеха обвинила меня в его смерти и с помощью Милады расправилась со мной. Ведь теперь я осталась совсем одна, защищать меня отныне некому.

Однако я ошиблась.

Накануне похорон, няня мышью прошмыгнула в мою комнату.

– Ну ка пойдем ка со мной, – велела она, хватая меня за руки, что бы помочь встать со стула, на котором я сидела, тупо глядя в окно.

– Куда? – отрешенно спросила я, мне было все равно, хоть на эшафот.

– Собаки то твои совсем отощают!

– Кто – ни будь, покормит, – отмахнулась я. Ничто, и никто мне был не нужен. Ник? Тем более нет, теперь я не представляю для него никакого интереса. Не думает же он, что мачеха даст за меня приданное.

– Да пойдем же, упрямица! – гаркнула няня.

Я равнодушно подчинилась, какая разница куда идти, зачем идти... Все равно мне недолго осталось... Мачеха с Миладой если не сгнобят, то отошлют куда – ни будь с глаз долой.

Меня привели в мою любимую беседку в самом конце нашего сада. Я села на скамейку и невидяще уставилась перед собой.

Няня растворилась, зато появился расплывчатый силуэт Ника.

– Алиса, – позвал его голос.

Вот теперь я его разглядела.

– Что, пришел сказать, что я не гожусь теперь тебе в жены, – криво усмехнулась я. Апатия начала сходить, все же он очень сильно волновал меня, только сейчас это было еще больше, чем раньше, но не имело значения. «Вот сейчас он скажет, и я уйду», стучало у меня в голове, хотя зачем говорить, когда и так все ясно.

– Почему ты вдруг решила, что не подходишь мне? – искренне удивился он.

– Это очевидно, – в свою очередь удивилась я, – Мачеха и не подумает дать приданное. Я стала никем, а вернее графским бастардом.

– А теперь послушай меня и не перебивай! – Ник сел на скамейку рядом со мной и взял мою ледяную руку в свою.

– Ты замерзла?

Я пожалала плечами, ощущая предательскую дрожь.

– Для начала я хочу уверить тебя, что даже без приданного женился бы на тебе – дело решенное, однако, – он выдержал паузу, заглядывая мне в глаза, – У тебя есть великолепное приданное и опекун. Твоя мачеха не имеет никаких прав распоряжаться твоим наследством и тем более влиять на твою судьбу.

– Как же это, – вяло спросила я.

– Да очнись же, Алиса! – Прокричал Ник, стиснув мою руку, – Твой отец все успел оформить как надо, по закону, и в случае его..., – Ник запнулся и осторожно, стараясь подобрать выражение, тихо сказал:

– Внезапной кончины, назначить моего отца твоим опекуном. До совершеннолетия тебе осталось меньше года, но ты уже принадлежишь семье Сен – Джон.

В следующий миг плотину моих чувств, не вырвавшихся наружу сразу после осознания произошедшей трагедии, прорвало. Я зарыдала в голос. Ник прижал меня к себе, заглушая стоны. Всклипывая, я повторяла снова и снова:

– Он так любил меня, а я его убила! Только я виновата в его смерти, только я...

Ник баюкал меня словно маленького ребенка, что – то ласковое шепча на ухо.

Когда я немного успокоилась, он отстранил меня и, вытирая своим платком мои слезы, сказал то, во что я поверила и почувствовала, что еще жива.

– Незаслуженно обвиняя себя, ты причиняешь ему боль там, где он сейчас – в лучшем и счастливом мире, в котором царит лишь безмятежность и покой. Ты сама знаешь, насколько была дорога ему, ты всегда знала, что являешься тем человеком, для которого он жил. Неужели ты бы поступила иначе, если бы кто – то посмел оскорбить его в твоём присутствии? Да я уверен, ты не то, что с пистолетом, ты бы голыми руками задушила подлеца. А что же он? Он защищал твою честь, которая была ему дороже своей собственной, – Ник глубоко вздохнул, – А случившийся с ним приступ – следствие, видимо, слабого здоровья или неполадок с сердцем. В любом случае он это тщательно скрывал и никто даже не догадывался об этом. Вспомни, Алиса, ведь и твой дед – отец графа – умер молодым.

После таких слов, мне было крайне тяжело сдержаться и не сказать, как сильно я люблю его.

– Но он же только в этот роковой день собирался оформить приданное. А опекун? От куда он мог знать, что..., – я была не в силах произнести это страшное слово.

– Это формальности Алиса, все было сделано еще до моего приезда из Лондона.

Мой отец вчера признался, что граф просил его стать твоим опекуном независимо от того, состоится наша свадьба или нет. По-видимому, не доверял он даже графини.

Пусть я не сказала Нику о своих чувствах, мой обожающий взгляд не остался незамеченным.

– А я наорал на тебя как последний идиот на том треклятом балу! Ты простишь меня?

– Теперь простила, – попыталась улыбнуться я. – Ты же не передумал на мне жениться.

– Более того, можно обвенчаться сразу, как только ты относительно успокоишься.

– Теперь долгий траур, нам не позволят.

– Не позволительны пышные торжества, – возразил Ник, – Я говорю о тайном венчании. Так будет спокойнее нам обоим, и ты будешь чувствовать себя защищенной.

Сердце часто заколотилось. Я не безразлична ему, он хочет защитить меня! Снова с непреодолимой силой захотелось броситься ему на грудь и уткнуться в еще мокрый от моих слез шейный платок.

– Ты, правда, этого хочешь? – выдохнула я.

– Еще бы, за такое приданное!

– Сам изжога! Ты не последний идиот «на треклятом балу», а первый!

– Моя Алиса!

8

День похорон был еще тяжелее, чем тот, когда прибыла из города делегация со страшной вестью. Одно дело осознать, что его больше нет, а другое видеть неподвижное тело в утопающем в цветах гробе на алтаре храма и понимать, что больше никогда не увидишь его ясных глаз, ласковой улыбки, и не услышишь глубокий ласковый голос...

У меня никогда не было родной матери, а теперь нет и отца.

Проводить его в последний путь съехалось все местное общество и казалось, весь город. С отвращением я заметила, что мачеха просто купается во всеобщем сочувствии и наслаждается ролью безутешной вдовы.

Мой новоявленный опекун лорд Сен Джон один из совсем немногих был рядом именно со мной и как – то сразу стало ясно, кто искренне уважал и любил отца. Они находили для меня слова утешения, а для основного большинства я стала незаконно рожденной бесприданницей, зависящей теперь исключительно от милости моей мачехи. Так думала она, так думало и общество, весь жадный до сплетен бомонд. Я была абсолютно уверена в том, что еще до того, как бросили первую горсть земли в могилу отца, «скорбящие» шептались о моей дальнейшей судьбе и о том, как поступят Сен – Джоны. Что ж, их всех ждал сюрприз. От отвращения к этим лицемерам меня затошнило. Обменявшись с Ником понимающими взглядами, я ушла к себе, закрыла дверь на ключ и не пустила даже свою старушку. Хотелось быть одной и вспоминать каждое мгновение с ним, навсегда потерянным.

На следующий день прибыла новая делегация, однако страшных вестей больше ждать не приходилось. Пожаловали нотариус, адвокат, поверенные и прочие люди, представлявшие интересы отца.

Черное платье вдовы выгодно подчеркивало белую кожу мачехи. Опуская вуаль на «заплаканные глаза», она вышла к ним на встречу.

Когда, наконец, было покончено с очередным потоком выражения соболезнований и приветствий, мачеха и Милада в один голос пригласили всех пройти в библиотеку, где должно было состояться оглашение завещания.

Я перехватила взгляд вдовствующей графини – в нем была холодная решимость.

Она готова была, как тигрица сражаться за интересы Анны, понимая, что отец не обделил бы меня ни за что, будь у него время составить завещание, поэтому спорный вопрос, кто являлся основным его наследником. Но скоростная кончина графа делала именно ее главой нашей семьи. Вроде бы надо спокойно ждать оглашения, однако графиня в чем то сомневалась.

Мне снова стало противно до тошноты, я готова была полностью довериться Сен – Джонам и отказаться от моей доли наследства в пользу Анны.

– Начинайте же, – повелительно сказала графиня, когда все заняли свои места.

– Простите мадам, но не явился еще один человек, упомянутый в воле усопшего, – неожиданно ответил адвокат. Я сидела за спиной мачехи и видела, как она даже приподнялась с кресла.

– О ком вы? – недовольно спросила она.

– О милорде Сен – Джоне, госпожа графиня. – Невозмутимо ответил тот.

– А ка... – начала возмущаться Милада, как в дверь библиотеки постучали и вошедший дворецкий объявил:

– Прибыл сэр Николас Сен – Джон.

– Извините, это я пригласил его, – прокомментировал адвокат, поклонившись мачехе.

– Это было необходимо, – подтвердил нотариус таким тоном, что сестрички замолчали.

Ник вошел, и с поклоном всех поприветствовав, объяснил, что представляет отца и имеет право подписи за него, а затем сел рядом со мной.

Момент был совсем не подходящий, но я едва не улыбнулась, когда обе «мадам» обернулись с вытянутыми физиономиями, ведь предполагалось, что Ник будет всячески избегать «невесту-бесприданницу», тем более что официальной помолвки не было.

Ник демонстративно отвесил им еще один поклон и ободряюще сжал мою ладонь. Сестры стали похожи на двух сов.

Я особенно не вслушивалась в официальный, монотонный голос нотариуса, зачитывающего текст завещания. Ник был рядом и держал меня за руку – этого было достаточно.

Отец завещал мне полное право жить в этом доме столько, сколько я сама того пожелаю с пожизненным содержанием, которым не побрезговали бы и особы королевских кровей. Так же, отныне мне принадлежали: все имущество, земли, поместье и его бизнес в Испании. В общем, я стала одной из богатейших особ в России и Испании. Все остальное было завещано графине и Анне, что составляло гораздо меньшую, чем у меня, но все же очень значительную часть всего состояния. Мачеха осталась богатой вдовой, а Анна в свою очередь – наследницей титула и завидной невестой с великолепным приданным.

Когда нотариус замолчал, повисла звенящая тишина. Прокашлявшись, он заговорил снова:

– До наступления совершеннолетия опекуном старшей дочери графа Заревского назначен лорд Сен – Джон.

– Настоящее завещание оспариванию и изменению не подлежит, – торжественно оповестил адвокат.

Мачеха со своей сестрицей были в глубоком шоке. Змея Милада не нашла чего сказать и всегда холодно-презрительное выражение лица сменилось растерянностью.

В какой то момент я их даже пожалела: не секрет, что мачеха не испытывала к отцу такой любви, что бы убиваться по нему, и ее не затуманенный горем рассудок прикидывал насколько она была богата. Как вдруг, раз – и большая часть состояния принадлежит мне – незаконнорожденной приживалки, какой она меня всегда считала. Значит, даже те немногие проявления внимания ко мне, были ничем иным, как показухой для моего отца. Или же она вообще никогда не воспринимала меня всерьез, абсолютно уверенная, что главная наследница нашего рода, несомненно, Анна. Тревожиться на мой счет она начала с того момента, когда Ник просил моей руки и выяснилось о размерах моего приданного. А добило обеих сестричек то, что моим опекуном назначен не член нашей семьи и никакого влияния они теперь на меня не имеют.

Фактически – я стала свободным и самостоятельным человеком.

От охватившего чувства благодарности и всепоглощающей любви к отцу, навернулись слезы. Я поспешила выбежать из библиотеки на улицу, что бы ни одна из них не посмела мне что – ни будь высказать. Не хотелось выяснять отношения, оскверняя руганью из – за денег его память.

Как я и ожидала, Ник пришел следом за мной, без труда угадав, что я буду именно в этой «нашей», как я стала ее называть, беседке.

– Сейчас даже самая ядовитая кобра побоялась бы приблизиться к графине и ее милой сестрице, – пробурчал он, сев со мной рядом.

– Господи, я и не предполагал, что твой отец был настолько богат!

В ответ я лишь пожала плечами – для меня это не стало чем – то удивительным. Все знали, что в Испании у него состояние, но не знали насколько оно велико. Именно от меня отец никогда этого не скрывал, более того, мечтательно размышлял о том, что если бы я родилась мальчиком, мы бы смогли вершить историю, влияя на самого короля.

А что мне мешает, – вдруг осенила мысль – дождаться совершеннолетия и уехать в Испанию навсегда?! Теперь я знаю, что мачеха не может выгнать меня из дома и хоть как то влиять на меня. Но тогда я навсегда потеряю Ника... Готова я к этому? Посмотрев на него, я узнала ответ.

– Ты теперь не передумаешь? – словно прочитав мои мысли, спросил он. – Судя по тому, что я сейчас узнал, ты и без меня справишься – чуть больше полугода и ты, согласно завещанию – самостоятельная особа.

По его тону невозможно было определить, к чему он склоняется сам. Зато я окончательно поняла, чего хочу сама. Если он не будет принадлежать мне – то родившийся ребенок уж точно останется со мной.

– Почему я должна передумать? – Невозмутимо поинтересовалась я. – Мы уже решили, что это будет взаимовыгодный союз, удобный нам обоим.

Ник угрюмо посмотрел на меня.

– Я теперь сам ни в чем не уверен.

Что – то больно сжалось у меня в груди.

– Ты о чем? – проглотив комок в горле, спросила я, словно осужденный, ожидая приговор.

– Забудь, – отмахнулся он. – Я как будто сам не свой, – сбивчиво говорил он. – Все эти события... все так быстро...

– Ты вот что, – вдруг уверенно начал он, глядя мне в глаза. – Переезжай в наш дом, пока я буду в Лондоне, там необходимо уладить кое какие важные дела. С моим отцом – теперь твоим законным опекуном – тебе, возможно, будет спокойнее.

Какое там спокойствие! Чуть ли не впервые в жизни я ощутила самый настоящий и сильный укол ревности. Понятно, что за дела ему надо уладить!

Выражение лица выдало меня с головой.

– Почему ты разозлилась? – удивился Ник. – Я просто опасаясь оставлять тебя одну в осином гнезде.

– Мне не мало лет, как Анне, уверена что справлюсь с ними, – прошептала я совсем неуверенно.

Ник начал мерить шагами пространство беседки. Он был очень взволнован. Иллюзия, что причина этого внезапного волнения во мне, юрким ужиком пробралась в мою голову. Неужели он хоть немного меня любит? Стал бы он предлагать переехать к ним в дом, если бы я была совсем безразлична ему? Зачем же тогда уезжать?! Скрыть охватившую меня тоску было невозможно, и предательские слезы заблестели на глазах.

Ник подскочил ко мне, поднял за руки и обнял.

– Черт его знает, что происходит, – бормотал он, уткнувшись в мои черные кудри. – Я скоро вернусь, дольше, чем необходимо, я в Лондоне не останусь. Дай знать отцу, что бы забрал тебя, если возникнет необходимость. Потерпи совсем чуть – чуть. – На мгновение он с силой прижал меня к себе, словно в последний раз, а за тем резко отступил.

– До свидания, Алиса. – Его глаза странно блестели. Ника словно лихорадило. Я наблюдала за его удаляющейся фигурой. От чего – то мне стало страшно.

9

С отъездом Ника переменилась и погода подстать моему настроению. Небо заволочли низкие синие тучи, и постоянно моросил дождь – мелкий и противный. От тоски хотелось выть. Наверное, депрессия захватила бы меня окончательно, если бы не более чем странное поведение мачехи и Милады. Либо они вырабатывали какую то стратегию для сражения со мной, либо смирились. В последнее мне не верилось совсем.

– Ты не знаешь, что за затишье у нас в доме? – Спросила я у няни однажды вечером. Покачав головой, она ответила:

– Ничего не слышала, но опасаясь тоже.

Так продолжалось несколько дней. Они меня не трогали, а я их при любой возможности избегала, уезжая кататься на лошади, стоило только прекратиться дождю или занималась с собаками. Тревога никак не отпускала меня, одолевали плохие предчувствия. То мне хотелось продолжать поддерживать обстановку как есть, отсиживаясь у себя в комнате и пропадая на долгих прогулках, то одолевало желание самой пойти к мачехе и выяснить отношения. Промучившись несколько дней, я решила все оставить как есть и терпеливо ждать Ника, молясь о том, что бы с ним ничего не случилось.

Шли дни – один за другим, похожие друг на друга. Моя жизнь словно приостановилась, ожидая перемен с его возвращением.

Перед случившимся, я, лавируя между своими покоями и прогулками, кроме няни и слуг не видела никого в доме. В тот день, спускаясь по лестнице, я заметила притаившуюся за колонной залы Миладу.

Видимо, подстерегает Анну – решила я, что бы затащить несчастную девочку на очередные занятия по воспитанию «настоящей леди». Надо заметить, что и сама Анна, несмотря на юный возраст, мастерски дурила Миладе голову, отлынивая от нудных занятий. Временами сестра пряталась на моей псарне, прекрасно зная, что уж туда тетушка точно не пойдет, и я ей в этом, разумеется, не препятствовала. Вот и в этот раз, я была уверена, что найду Анну именно там, однако меня ждал ужасный сюрприз.

От увиденной картины я встала как вкопанная. Все щенки, по – видимому, были уже мертвы, а взрослые собаки лежали на боку, жалобно поскуливая. Из открытой пасти сочилась кровь вперемежку с пеной. При виде меня, одна собака, моя любимица, попыталась подняться, но в следующее мгновение, утратив последние силы, упала замертво. Один щенок, недалеко от нее выглядел особенно ужасно. На деревянных ногах я подошла ближе и пронзительно завизжала: в бедном маленьком тельце не было ни капли крови, это была какая то зловещая мумия с жуткой рваной раной на шее.

На крик прибежали все слуги, находившиеся неподалеку. Открывшаяся картина шокировала и их.

– Кто... Кто это сделал?! – мой голос звенел от злости. Без приукрас, в тот момент я бы собственными руками убила бы виновника. Почувствовав приступ дурноты, я выбежала на улицу и упала на колени, тяжело дыша. Милада! – стучало у меня в голове, это Милада!

Желание убить тварь было столь велико, что я побежала к дому с такой скоростью, которой позавидовала бы самая резвая лошадь на скачках.

Там уже поднялась суета. Моя будущая жертва за что – то громко отчитывала дворецкого. Я понеслась прямо на нее, но проворный слуга перехватил меня едва ли не в полете. Шансы вырваться из медвежьей хватки дородного мужчины были ничтожны. Барахтаясь в его руках, я выкрикивала в адрес Милады ругательства, совсем не достойные леди.

Выпустив пар, я почувствовала что успокаиваюсь.

– Отпусти меня, – сказала я таким тоном, что слуга не посмел послушаться.

Непреступно холодная Милада стояла прямо передо мной. Ее гнев выдавали лишь пылающие щеки.

– То, как ты выражалась, Алисия, указывает и подтверждает происхождение твоей матери и тебя. Твоя вульгарность никогда не позволит стать настоящей леди. Сер Николас раньше, чем мы думаешь, убедится в этом и с позором откажется от тебя.

Как же мне хотелось плюнуть в ее противную физиономию! Ведьма осмелилась говорить о моей матери!

– Зато ваше происхождение, тетушка Милада, – с улыбкой лисицы, загнавшей зайца, парировала я, – не помешало вам стать приживалкой в нашем доме.

Выдержка Милады была железной, и словно не услышав моих слов, ледяным тоном она продолжала:

– Ваши драгоценные собаки, – она брезгливо скривилась, – скорее всего, чем то заболели. А вы подняли из – за этого такой шум! Более того, имеете наглость обвинять меня в этом!

– Обескровленный щенок тоже заболел?! Я уверена, что не без вашего участия их всех уничтожили! – не унималась я.

– Если вы считаете, что мне больше нечем заняться, кроме как травить вашу свору, то глубоко ошибаетесь! – И снова, в своей бесившей меня манере, Милада задрала свой чертов подбородок и ушла.

Собак однозначно отравили. Ни одна болезнь не погубит животное меньше чем за сутки, вот только тот щенок... это что надо было сделать, чтобы ни осталось ни капли крови? Какой то зверь? Но тогда он бы просто растерзал несчастного, а так... он выпил ее что ли? Почему же только одного?

Вопросов было крайне много и не одного разумного объяснения.

Следует начать с кухни, туда я и направилась.

На скамье сидела повариха и плакала. Увидев меня, она вздрогнула, и всхлипывая запримечала:

– Это не я, госпожа, ей Богу, не я, клянусь! Я все приготовила как обычно, ничего не добавляла, как всегда: щеночкам отдельно, большим отдельно... я... никогда бы на такое не пошла, госпожа Алиса! Мне даже поросся жалко, когда того режут...

Женщина была искренна, и я поверила ей, уверенная в происках Милады. Хуже всего было то, что этого не доказать – змея очень хитрая.

Один щенок все же выжил, но был очень слаб. Я приказала вызвать доктора, отмечая все возмущения мачехи.

– Я такая же хозяйка в этом доме, как и вы, мадам, – категорично заявила я, и попробуйте утверждать обратное!

К моему удивлению, та не стала спорить, только злобно прищурилась.

Позднее я узнала, что собаки были отравлены крысиным ядом, а по поводу того обескровленного тельца доктор только развел руками, он был удивлен не меньше моего, однако предположить что – ни будь существенное не смог.

– Ни один известный мне хищник так не поступает со своей добычей, – только и сказал он. Что касается выжившего щенка, то он пообещал, что тот вскоре поправится и дал совет, чем и как его лечить.

Однако домашних все же одолела паника. Из деревень была вызвана подмога: пришедших людей расставили в караул по всему скотному двору и конюшням, а в лесу расставили капканы на неизведанного страшного зверя, пьющего кровь. Так как пострадал только один маленький щенок, то решили, что тварь еще мелкая и за ее поимку, «пока ни вырастит» было обещано хорошее вознаграждение.

В то время как переполох в доме немного утихал, а щенок, которого я назвала Лаки (по-английски – счастливчик, ведь он был единственным, кто выжил) выздоравливал и набирался

сил – мне становилось все хуже с каждым днем. Нет, у меня не было жара, лихорадки или еще чего то подобного. Я просто увядала на глазах. Моя преданная старушка сходила с ума от непонятого недуга, охватившего «ее девочку».

Я замечала надкусанные булки, отпитое молоко и т. п. В отчаянье она сначала пробовала мою еду сама, прежде чем подавать мне, бормоча себе под нос, что то вроде того: «не иначе как змея Милада укусила тебя не заметно». Вызванные мачехой врачи только растерянно моргали, заглядывая мне в рот и слушая дыхание.

Вскоре пришла долгожданная весть о возвращении Ника. У меня словно выросли крылья. Я воспряла духом на столько, что заставила себя встать, привести в порядок и даже прогуляться по саду под присмотром слуги.

Богатое воображение рисовало мне картины нашей пылкой встречи, однако мои сладкие грезы омрачала мысль о его Лондонской «даме». Действительно ли он оставил ее? Мне прямо так и слышался ее непременно писклявый противный голос нытика, которым она канючит перед ним, а он ей отвечает: «Моя женитьба ничего не значит для меня, дорогая, это пустая формальность, ведь ты понимаешь, что я должен, но люблю я одну лишь тебя!» За такие мысли я ругала себя глупой истеричкой. Но все равно, чертова англичанка – страшна, как наш кузнец с похмелья и глупа как рождественский гусь – я твердо в это верила.

10

Зная о его предстоящем визите, я тщательно оделась и спустилась в низ.

Ник не заставил себя долго ждать, и вскоре с грохотом распахнулась дверь, и он ураганом ворвался в дом.

– Что тут происходит? – со смесью тревоги и злости прокричал он. – Алиса, да ты похожа на привидение! Вся округа зудит о твоей скорой смерти. Какого черта?

Через секунду Ник держал меня за руки. В его глазах был неподдельный страх.

Заметив это, я готова была пуститься в пляс, несмотря на то, что еще пару дней назад едва передвигалась. Теперь он казался еще выше и еще привлекательней. Стал бы он так волноваться, будь я ему безразлична.

Его глаза моргали через раз, разглядывая мое исхудавшее лицо. А может он испугался не за меня, а саму меня... мой изможденный вид, возможно, внушал ужас.

– Ну что, показать тебе горло и высунуть язык? – съязвила я. Эта мысль, что я страшна как смертный грех, заставила волноваться.

Моргнув еще раз, он проговорил:

– Не так уж плохи твои дела, Алиса. Ты все такая же изжога. Пойдем ка на воздух.

Держась за руки, как истинные жених и невеста, мы в молчании дошли до «нашей» беседки. Усадив меня, Ник сел рядом.

– Давай, Алиса, рассказывай все как было. У меня голова кругом от тех версий, что я наслушался. Какого дьявола меня не было рядом?! – в сердцах буркнул он.

– То – то и оно, – кивнула я. – Ну а ты, все свои дела уладил в Лондоне? – с замиранием спросила я о главном вопросе, мучавшим меня.

Ник наклонился и, прищурившись, заглянул мне в глаза.

– А ты как думаешь? – довольно ехидно поинтересовался он.

Я напустила на себя равнодушный вид, хотя в этот миг мое сердце выстукивало нереальный ритм.

– Ну-у, не знаю... там у тебя любовь, а со мной деловое сотрудничество... как то так, наверное.

Сначала лицо Ника вытянулось, а в следующий миг, запрокинув голову назад, он громко загоготал. На его глазах даже выступили слезы. Таким я его еще не видела. Обескураженная его реакцией, я непонимающе хлопала глазами.

Наконец успокоившись, он встал со скамьи и протянул ко мне руки, помогая встать

– Посмотри мне в глаза, Алиса, – уже совсем другим, серьезным и проникновенным голосом попросил он.

– Да я и так смотрю на тебя, и гадаю, в себе ли ты.

Тяжело вздохнув, он продолжил:

– Запомни одну простую истину. Я бы никогда, даже по воли отца не женился бы на тебе, если бы сам того не хотел.

Он сказал почти то, что я так мечтала услышать. Прикрыв глаза и замерев в ожидании поцелуя, я вдруг услышала его требовательный голос:

– Ну а теперь еще раз расскажи мне о собаках.

Резко распахнув глаза, я увидела, что он не то что смотрит на меня, а уже прохаживался по беседке.

– Николас! – помимо воли воскликнула я. В его глазах плясали чертики.

– Ты гад! – выпалила я.

– Я тоже по тебе соскучился, – кивнул он.

Это было невыносимо, и я решительно направилась к выходу.

Ник перегородил мне дорогу.

– Я, правда, очень скучал по тебе, Алиса, – прошептал он и, наконец, поцеловал.

Позже я попросила Ника перестать вдаваться в подробности моего разбитого состояния, потому что даже я сама не смогла объяснить причину этого, да и с его возвращением мне стало заметно лучше. Может быть, я так сильно скучала? Но теперь было все равно, ведь он вернулся и скоро наша свадьба.

– Теперь, когда я рядом с тобой, ты окончательно поправишься, – А еще лучше, если начнешь собирать вещи и переедешь в дом своего законного опекуна, – заявил он, когда в очередной раз навестил меня.

В нем было столько решимости, что мачеха не нашла что возразить. Зато нашла Милада:

– При всем уважении, Николас, но такое возможно лишь в двух случаях!

Ник смерил ее тяжелым взглядом.

– При всем моем уважении, мадам, это каких же?

– Либо после венчания, либо ваше отсутствие в том доме, где будет находиться молодая девушка до свадьбы, – отчеканила она, а мачеха королевским кивком согласилась с ней.

– Во втором случае есть доля здравого смысла и потому я согласен.

Меня охватил ужас, а в голове начало что то покалывать. Он снова уедет?! Какая разница, где я буду жить, если его опять не будет рядом?!

Они о чем – то еще говорили, но до меня доходил лишь звук, лишенный всякого смысла. Потом Ник взял меня за руку и повел на балкон.

– На воздухе ей станет лучше, – долетело до меня. Слабый ветерок заставил очнуться от столбняка.

– Ты опять укажишь в Лондон? – на грани истерики воскликнула я.

– Где твоя природная смекалка, милая моя? – усмехнулся он в ответ. – Наш охотничий домик находится в паре миль от замка. Мы сможем видеться каждый день, а венчание назначим в ближайшие дни, и к чертям все условности и приготовление.

Должна признаться, что в последующие дни я предоставила все вопросы решать Нику, с удовольствием подчиняясь его решениям.

– Как то ты подозрительно послушна, прямо таки кроткая овечка, – с опаской спросил он. – У меня есть повод волноваться? Лучше уж истерика, чем ты притихшая.

– Для истерики еще рано – мы еще не женаты, ну а потом я могу тебе обещать.

– О, вижу все в порядке, – улыбнулся Ник.

Моя старушка была не менее счастливой, чем я и тщательно поковала мои вещи.

Что касается мачехи и Милады, то они были предсказуемы: с ледяным спокойствием игнорировали все, что происходит вокруг. Однако моя сестрица немало удивила. Как то вечером, когда я вышла в сад прогуляться с Лаки, она присоединилась ко мне.

– Ты же знаешь, Анна, если тетушка Милада увидит тебя в моей компании – будет недовольна, – предостерегла я ее.

– Недовольство – ее обычное состояние, – неожиданно высказала Анна и смешно сморщилась.

Я невольно рассмеялась, хотя к горлу подкатил комок. Ужасно грустно, что обстоятельства не дали нам с сестрой сблизиться по – настоящему. Кто или что тому причина выяснять уже было поздно.

– А можно я как – ни будь, навещу тебя, Алиса? – очень искренне спросила она, забегая вперед и заглядывая мне в глаза.

Ком в горле стал еще больше.

– Я была бы счастлива, Анна, но ты же понимаешь...

– Скорее бы я уже тоже вышла замуж, тогда никто мне не указ, – сверкнула она глазами и неожиданно выдала:

– А вы с Николасом любите друг друга?

– Анна! – Укоризненно воскликнула я, – тебе еще рано...

Девочка раздраженно отмахнулась:

– Ты сейчас как Милада.

Я так сильно испугалась такого сравнения, что тут же решительно кивнула:

– Любим!

Анна довольно улыбнулась, а я подумала, что из девочки вырастит добрая, но независимая девушка. В ней не было чопорности ее матери и горделивой кичливости тетки, которую в этой жизни по – настоящему никто не любил. Графиня держала ее на побегушках и использовала в качестве гувернантки, а родная племянница побаивалась и избегала ее общества насколько могла.

Вот он и настал, день, когда я навсегда покидаю родной дом. Конечно, пожизненное право жить в нем остается со мной, но все же я оставляю родные стены, в которых жил мой отец и прошло мое детство, счастливое детство, несмотря на живущих под этой же крышей двух змей. Все вещи уже были перевезены в дом моего будущего мужа. Я пожелала ехать последней, с коробкой, в которую я собрала очень дорогие для меня, любимые вещи отца из его кабинета и библиотеки. Моя старушка, прихватив Лаки, уехала в присланным моим опекуном экипаже, а за мной должен был приехать сам Николас, который прибыл раньше назначенного времени.

Обе обладательницы раздвоенного языка исключительно из – за соблюдения всех правил этикета, а главное во избежание нежелательных слухов по округе, вышли проводить нас. Мы же, разумеется, откланялись так быстро, словно опаздывали. Вот с кем я действительно тепло распрощалась, так это с прислугой, которая высыпала во двор пожелать мне счастья в будущей семейной жизни.

Наконец, Ник усадил меня в карету, и я бросила прощальный взгляд на окно моей комнаты, за которым стояла грустная Анна. Встретив мой взгляд, она махнула мне рукой и тут же скрылась.

Карета тронулась с места. Я уезжала навстречу новой жизни.

11

Все произошло, когда карета поднималась вверх по холму. Она вдруг дернулась, на секунду замерла и стремительно покатила назад. Ник со всей силы прижал меня к себе. Последнее, что я помню, как экипаж перевернулся и боль в затылке.

Невозможно описать мое состояние, когда я пришла в себя окончательно. Наверное, самое подходящее слово – глубокий шок. Да, я Алиса, но... какая?! Что за бредятина происходит со мной? Так же отчетливо, как крушение кареты, я помню, что попала в аварию на своей машине,... неужели я умерла и перенеслась в другую жизнь?

Водоворот мыслей и предположений разрывал голову на мелкие кусочки, причем каждый из них болел отдельно. Я знала с кем и куда мы сейчас направляемся. А главное, с кем я! Сидящий за моей спиной мужчина крепко прижимал меня к себе, я чувствовала его дыхание на своей шее, от него вкусно пахло, и... мне было хорошо. Ник! Он не безразличен мне! А кому мне?

Я почувствовала, как меня охватывает дрожь, а внутренности стягиваются в тугой комок от ужаса.

- Ты замерзла? – Послышался из – за спины участливый, даже нежный голос.
- Я сильно повредила голову. – Собственный голос казался мне чужим.
- Крови, слава Богу, нет, это сотрясение, Алиса, тебе надо как можно скорее лечь.
- Ты уже позвонил? Рассказал, что случилось?
- Что сделал??
- Позвонил...
- Ты правда повредила голову, – каким то глухим голосом проговорил Ник.

В следующую секунду до меня дошел смысл моего же вопроса, ведь позвонить он мог только в колокольчик. Не выдержав, я вслух застонала.

- Тебе хуже? – испугался он.
- Хуже не бывает, – сказала я абсолютную правду. Действительно, куда хуже то? Я отчетливо помню две жизни. Которая из них моя? Кто я настоящая?

Мы выехали на дорогу, ведущую к дому, который предстал перед моими глазами во всей красе. Здесь все знакомо. Я живу здесь!

Послышались отдаленные суетливые голоса – видимо, лакей уже доехал и рассказал о произошедшем – такая мобильная связь прошедшего времени. Или моего настоящего?

По мере нашего приближения гул все нарастал, а отчетливей всего, разумеется, указания Милады. Нет, я точно не умерла. На том свете наказывать меня тетушкой не за что. Ее голос отдавался в голове пронзительным звоном.

Во дворе прислуга обступила нас со всех сторон, но Ник, отказавшись от чьей либо помощи, соскочил с лошади и бережно снял меня.

- Я отнесу Алису в ее комнату. За доктором уже послали? – требовательно спросил он.

Я могла бы идти и сама, но вместо этого обхватила рукой его шею и крепко прижалась к широкой груди, слушая учащенные удары его сердца. В тот миг мне было все равно, кто я – Николас меня любит, а там, где моя машина и смартфон, меня никто не любил.

Как обычно, словно назойливая муха, Милада подскочила со своими дурацкими указаниями:

- Что значит в ее комнату? Вы, позвольте заметить, еще не муж ей!
- Если понадобится, то останусь там столько, сколько сочту нужным, – парировал Ник, ловко обойдя ее, и уже поднимался по лестнице.
- Неслыханно! – долетело снизу.
- Вот же крыса! – не вытерпела я.

– Полностью согласен, – подтвердил он, опуская меня на пол у порога моей комнаты. Ник толкнул дверь, и та легко поддавалась – наша экономка уже успела набросить на кровать, с которой было убрано белье, теплое одеяло и даже затопить камин.

– Где тебе будет удобней, на кровати или в кресле? – немного запыхавшись, спросил он. Все же я была далеко не дюймовочкой.

– В кресло, – отозвалась я, осматривая свою же комнату. Здесь все знакомо: каждый уголок был родным, однако, я была гостьей. Это напоминало прогулку онлайн по окрестностям, куда собираешься поехать отдыхать. Ты тщательно осматриваешь все вокруг: жилье, интерьер и обстановку в целом. А потом, когда приезжаешь на выбранное место, все уже кажется знакомым и появляется ощущение, что ты здесь не впервые.

– У тебя растерянный вид, – констатировал Ник. – Да, согласен, скверно получилось, но ты уже столько терпела, сможешь еще совсем чуть – чуть? Как только поймешь, что готова ехать, я тут же за тобой примчусь, – он улыбнулся так нежно, что мне стоило трудов не разреветься.

– Сейчас найдется кто ни будь за тобой поухаживать?

«Нет, весь дом вымер и я совсем одна, не уходи!» – хотелось крикнуть мне, но вместо этого я лишь рассеянно кивнула.

Ник наклонился, поцеловал меня, и ободряюще сжав мою руку, сказал:

– Уже завтра с утра твоя старушка прибудет назад, а мне пора идти. Хочу разобраться с каретой и что вообще произошло.

Я молча кивнула. Пусть он идет разбираться с каретой, а я пока побуду одна и постараюсь разобраться в собственной голове, которая продолжала нещадно болеть.

Здесь уже послеобеденное время. Но еще утром сегодняшнего дня я завтракала кофе, сваренным в кофеварке и горячими бутербродами, приготовленными в микроволновке. Потом на машине поехала на кладбище.

Меня вдруг осенило – кладбище! Ненормальная старуха! А главное, сейчас, находясь именно в этой реальности, я могла предположить, кто она!

Одна из дебютанток прошлого сезона рассказывала мне (ну или Алисии), что переодевшись в служанку, тайно навещала бабу и просила приворожить одного знатного кавалера, очень понравившегося ей. Причем, этот самый кавалер не сказал ей ни слова и не оказал ни единого знака внимания. Но вот когда они, спустя несколько месяцев после бала объявили о помолвке – я невольно стала внимательней прислушиваться к историям, связанных с этой колдуньей, которая жила на самой окраине наших земель, там, где начинался непроходимый лес.

Я знала, что моя няня ходила к ней за всякими снадобьями и травами. Но как – то раз старуха пришла к нам сама. Она о чем – то долго шепталась с нашей поварихой. О чем они говорили, я не расслышала, но смогла отчетливо разглядеть ее и удивиться: самая обычная старушка – ни крючковатого носа, ни грязной растрепанной пакли вместо волос, ни таинственных черных одеяний. В тот вечер я разочаровалась в увиденном. Какая ж эта ведьма? Если только умело притворялась обычной деревенской бабкой? Дальше продолжать размышлять на эту тему я не стала. Раз няня доверяет ей, значит опасаться нечего – в жабу меня никто не превратит.

Забыв про ушибы и больную голову, я встала с кресла и начала нервно расхаживать по комнате. Какая в этом связь? Допустим, учитывая мою любовь ко всякой мистики и фантасике, я поверю, что каким – то образом перенеслась на пару веков назад. При этом я знаю и помню все, что здесь было. Тогда получается, что разум Алисии из прошлого и Алисы из будущего соединились в девятнадцатом веке в одном теле. Только реальная разница между Алисией и мной из двадцать первого века – десять лет! Неплохо я помолодела...

Дальнейшие мысли обо всей этой чертовщине завели так далеко, что я начала гадать, куда делось мое тело из «фольксвагена». А может... меня уже похоронили,... что будет с котом без меня?.. От этих гаданий голова закружилась так сильно что, едва не упав на пол, я вернулась обратно в кресло.

В дверь робко постучали. Меньше всего мне хотелось с кем – либо общаться сейчас.

– Войдите, – отозвалась я. – Появилась кухарка с подносом в руках.

– Вот, госпожа, выпейте этот отвар – он снимет боль и успокоит, – заботливо сказала она и протянула мне чашку.

Не было сил размышлять о том, плюнула туда Милада или нет, поэтому приняв чашку и поблагодарив, я попросила ее уйти, и передать остальным не беспокоить меня, пока сама не позову.

Сделав несколько глотков, я почувствовала, как приятное тепло горьковатого на вкус напитка разлилось по всему телу. Потихоньку напряжение отпускало. Возник банальный вопрос: почему это случилось именно со мной? Или правильней сказать с нами? Сколько всего я прочла на тему путешествий во времени, переселении душ, параноидальных явлений! Но ничего из того, о чем я читала, слышала или смотрела – не подходит под мой случай, даже раздвоение личности – и то мимо! В двадцатом веке воспаленный мозг еще мог воспроизвести прошлое, но никак не наоборот. Что бы помнить айфон, плазму и гугл – надо было с этим жить и этим пользоваться.

Если сопоставить двух «я», то явный перевес имела именно Алиса – менеджер, иначе, почему мне хочется баночку джин – тоника и сигаретку? Первое желание более – менее осуществимо – в доме полно сидра (я уже не говорю о погребе с элитными винами), а вот где взять тонкий «Парламент»? Представив картину, будто я сижу в беседке, пью коктейль из жестяной банки и курю сигарету, я улыбнулась: такое зрелище проняло бы Миладу основательно.

Не знаю, что за зелье такое мне дала кухарка, а она их знала предостаточно, но мне на самом деле стало значительно лучше. По крайней мере, будет не скучно! Значит, неспроста я здесь оказалась, значит должна чем – то помочь или сделать что – то значимое. Только что? «Ладно, по ходу событий разберусь», – решила я, сладко зевая.

В дверь снова постучали.

– Кто там? – устало спросила я.

– Доктор пришел, госпожа.

Доктор пробыл у меня совсем немного – он лишь внимательно осмотрел мою голову и задал несколько вопросов. Было видно, что он искренне обеспокоен моим состоянием, но как только убедился, что жить я буду точно, заботливо спросил о Лаки. Заверив его, что и со мной и собакой все в полном порядке, я мягко попросила оставить меня одну, ссылаясь на желание отдохнуть.

– Безусловно, – поддержал он. – Сон – это самое первое лекарство и сейчас оно вам необходимо особенно.

Я кивнула и снова зевнула.

– А знаете, Алисия, с приездом молодого сэра Сен – Джона, вы поправляетесь прямо на глазах. Его общество явно вам на пользу, – на правах старого друга семьи он заговорщицки мне подмигнул и откланялся.

Доктор оказался очень приятным человеком, ведь в сущности и его я видела впервые, хотя точно знала, кто он.

«Вечером обязательно приедет Ник», – с этими приятными мыслями я с удовольствием почувствовала, что засыпаю.

12

Когда я открыла глаза, за окном уже смеркалось. Мысли о насущем снова вернулись в мою голову. Если бы только у меня был кто – то, что бы помочь мне. Хоть один союзник в противостоянии времен. Любой здравомыслящий человек, услышав эту сказочную историю, решит, что это плод моего сотрясенного мозга и сочтет меня невменяемой.

И еще одно, и возможно самое главное: Николас Сен – Джон был мне о-очень небезразличен. Что мне еще и с этим делать – я даже думать не решилась.

Пришла горничная Анны, что бы приготовить мне постель.

– Приезжал сэр Николас, госпожа, – сказала она, – но мадам Милада и ее светлость графиня не пустили его к вам.

– А мне, почему не доложили?! – возмущенно воскликнула я, поднимаясь с кровати.

Девушка скорее даже удивленно, чем испуганно что – то пролепетала и попятилась назад. Видимо, Алисия разговаривала другим тоном и вела себя спокойнее.

– Он что – ни будь, передавал для меня? – ровным голосом спросила я, усаживаясь в кресло, что бы ни мешать ей с бельем.

– Нет, госпожа, сказал лишь, что завтра они вместе с вашим опекуном прибудут к полудню.

Когда все приготовления ко сну были завершены, и я осталась одна, паника вновь вернулась. С нелепым видом, в длинном балахоне, который назывался ночной сорочкой, я измеряла комнату шагами. Потом сообразила, что мою возню услышат, и не дай Бог, придет еще кто ни будь. Подойдя к окну, я отодвинула тяжелую занавеску и уселась на низкий подоконник.

Луна холодным светом проникала сквозь стекло. Ощущение нереальности происходящего усилилось. Вглядываясь в темно – синее небо и вдыхая ночной прохладный воздух через приоткрытую створку, я почувствовала, как сильно хочется закурить.

Вдруг пришла мысль о том, что если это тело Алисии, то почему моему сознанию хочется травиться? Ведь в ее организме не должно быть никотина. Поток новых гипотез снова заставил болеть мою несчастную голову.

«Все, хватит!» – приказала я себе. Если я в сказку попала, то должно быть утро вечера мудренее. Может прямо с рассветом гениальная мысль озарит меня и все станет на свои места.

Утро оказалось не таким уж и мудрым, как ожидалось, но все же я точно определилась с чего начинать. Старуха! Вот корень всей истории волшебства.

Стоило мне завершить все утренние процедуры, проклиная отсутствие банального унитаза и теплого душа, как раздался стук в дверь. Не дожидаясь приглашения войти, в проеме появилась мачеха.

– Доброе утро, Алисия, – церемонно произнесла она. Выражение ее глаз говорило обратное: «жаль, что ты не умерла сегодня утром».

– Утро добрым не бывает, – буркнула я в ответ.

Графиня вдохнула, что бы возмутиться, но от чего – то передумала. Менторским тоном она сообщила:

– Так как доктор прописал тебе лежать, завтрак принесут в комнату. Потом отдохни, что бы к полудню выйти в гостиную. Прибудут твой опекун и жених.

– Да уж, Станиславский бы поверил. Надо же, какая трогательная забота! – не удержалась я от ехидства.

– Почему мне вчера не сказали о визите Николаса?

– Тебе нужен был покой, мы решили не беспокоить тебя.

– Вы – это ваш тандем с Миладой? – вызывающе спросила я, не заботясь в выборе слов.

Графиня покрылась красными пятнами от возмущения:

– Ты забываешься, Алисия! И кто этот господин Станиславский? Что ты несешь? В моем доме...

– Это и мой дом! – рявкнула я.

Агрессия буквально забурлила во мне. Внезапно я почувствовала, что сильнее нее, что сильнее их обеих! Одновременно с этим пришло осознание того, что Алисия, которая спала во мне, этого не ощущала. Без отца и Николаса она была совершенно одинока. Да, она умеет постоять за себя, резка, грубовата и вспыльчива, но в силу своего времени и воспитания не может позволить себе того поведения, которое могу я.

Может, не уезжать до свадьбы? Желание поставить на место двух высокородных сестричек было очень велико.

– Довольно пыхтеть тут как мультиварка! Оставьте обе меня в покое, и без моего приглашения даже к двери близко не подходите! Все понятно изложено?

Мачеха побледнела и, не мигая уставилась на меня, будто я кинула ей ключи от машины и приказала подождать к парадному.

– Будьте добры выйти из ступора и покинуть мою комнату, – с угрожающим видом я приблизилась к ней. Искушение выпихнуть ее вручную было очень сильным. Свидетелей нет, так что вряд ли ей кто – то поверит, ведь Алисия не позволила бы себе ничего подобного.

Я настежь открыла дверь и графиня в шоковом состоянии удалилась, но через минуту она тихонько приоткрылась. Я начала искать глазами что – ни будь подходящее для запуска, уверенная, что мачеха уже успела позвать подкрепление. Узнав любимую няню Алисии, я улыбнулась.

Увидев меня, женщина облегченно вздохнула:

– Слава Господу нашему, – прошептала она и перекрестилась три раза, повернувшись в сторону икон, висевших в углу. – Ты цела! – она засеменила ко мне, крепко обняла вместе со спинкой кресла и, пододвинув стул, уселась напротив.

– Сейчас, поднимаясь к тебе, столкнулась с ее светлостью, будь она неладна! Чёй – то с ейными глазами приключилось. Уж такие выразительные! Что ты ей такого сказала, чтоб я тоже знала, а?

Невольно я начала разглядывать ее. Вот от куда, видимо, взялся образ доброй румяной бабушки в цветастом платочке. Ласковые теплые глаза, блестящие в глубине морщинистых век, и розовые пухлые щечки заставляли верить в сказки.

– Сказала, чтоб не пыхтела мультиваркой, – улыбнулась я.

– А... му-у..., ну да, действительно, – растерянно кивнула женщина, – нет, не запомню. Ну да ладно, я и без твоей варки ее отчихвостю, если понадобится. – Успокоила она себя и продолжила:

– Внизу осталась коробка с необходимыми тебе вещами, ее принесут – я уже попросила. Мне жаль, что все так вышло и пришлось вернуться к этим ведьмам.

Как же мне хотелось рассказать обо всем! Но я лишь ответила:

– Главное, что ты приехала, теперь хоть один союзник в тылу врага.

– И то верно, – отозвалась няня. – Уж я то за тобою пригляжу, а самое главное – молодой лорд здесь и будет навещать тебя каждый день.

У меня вырвался тяжелый вздох.

– У вас с милордом что – то не заладилось? – встревожилась она.

«Еще не успело и наладиться» – грустно подумала я, но вслух уверила старушку, что все в полном порядке.

Прибыли Сен – Джоны, причем в полном составе. Отец Ника привез с собой Клариссу. И снова, как и в первый раз, она потрясла своей необыкновенной, дьявольской красотой. Ее наряд усиливал общее впечатление: платье было поистине произведением искусств, в нем

сочетались все оттенки синего – от небесно – голубого до глубокого темного и переливались грозовой молнией. «Женщина – вамп» – подумалось мне, причем вамп в буквальном смысле. Фарфоровая кожа, яркие красные губы и бездонные черные глаза, завораживающие всех магическим взглядом – все это указывало на вампира. Она обладала холодом и одновременно притягивала.

После того, что приключилось со мной, согласишься не только в вампиров.

Однако стоило ей улыбнуться, как я устыдилась своих мыслей, причисляя ее к нечисти. Кларисса мгновенно преобразилась. Она вдруг стала необычайно обаятельной и немного виноватой, будто бы стеснялась своей красоты. Оглядев леди Сен – Джон с ног до головы, я подумала, что Нику на самом деле лучше пожить в охотничьем домике – нечего ему делать с этой красоткой в одном доме без меня, ну или Алисии, ведь сейчас мы одно целое.

Да уж, порадовал себя мой будущий свекор на старости лет. Более контрастной пары я не могла себе представить, хотя там, в моем будущем, за путевками наведывались и не такие парочки. Но почему – то, престарелый толстый олигарх и длинноногая блондинка казались банальной обыденностью. Здесь же что – то было не так...

Мачеха и Милада умело напустили на себя радушный вид. Посмотрев на Миладу, я едва сдержала смех. Кажется, впервые в жизни наши с ней мысли совпадали, стоило только мне проследить за ее выражением лица, которое она не успела скрыть, разглядывая обворожительную леди Клариссу Сен – Джон.

Во время обеда чувствовалась напряженная атмосфера. Сначала зашел разговор об охоте на «невиданного зверя», однако с содроганием вспомнив о бедных собаках, я пресекла дальнейшую беседу по этому поводу и постаралась направить пустые дебаты в другое русло. Сестрицы натянуто улыбались и жеманничали, лорд был каким то задумчивым, ну а нам с Николасом оставалось лишь переглядываться и ждать удобного момента чтобы покинуть эту фальшивую «теплую» компанию. Но мое желание сбежать от «семьи» было не только из – за желания остаться с Ником наедине, но и избавиться от странного влияния на меня Клариссы. Ее присутствие вызывало какое то непонятное беспокойство, тревогу и более того, истинную ревность. Как мог Ник оставаться к ней равнодушным? А если они любовники? Вдруг, женитьба на мне была тактическим ходом? Она замужем за лордом, Николас женат – обоим удобно!

Понимая, что подобные мысли доведут меня окончательно и Кларисса будет убита прямо за столом, я, сославшись на головокружение, попросила разрешения выйти на воздух. Ник, разумеется, вызвался меня сопровождать.

Решительным шагом я направилась к беседке.

– Те, кому нехорошо не бегут аршинными шагами. Даже мне поспеть трудно!

– Ничего, у тебя длинные ноги! – ревность буквально сжигала меня.

– И я о том же, а ты резвее лошади!

– Сам ты похотливый жеребец! – не унималась я, уже представив их вместе.

– Так, а ну ка стой! – властно и твердо остановил он, – что происходит? Ты просто взбеленилась! – Ник схватил меня за локоть, буквально дотащил до беседки и словно мешок с мукой опустил на скамью.

– Выкладывай! – не терпящим возражений тоном велел он.

Я тяжело дышала, но приступ ярости уже погас, и от стыда мне захотелось убежать и надолго спрятаться.

– Прости, Ник, – жалко пролепетала я, готовая расплакаться. Ну что за дура!

– Объясни, что происходит, – уже мягко попросил он. – Ты словно бочка с порохом, даже бык на корриде в панике сбежал бы от тебя.

– И от смуглой испанки прибежал бы к прекрасной белокожей аристократке, – выдал черт, поселившийся во мне.

Николаас растерянно моргнул, а потом, запрокинув голову захохотал. Его смех, казалось, разносился на всю округу.

– Неужто моя мачеха – причина твоего вселенского гнева?! Да ты ревнуешь, Алиса! – радостно заключил он.

– Рядом с ней невозможно оставаться равнодушным, – попыталась оправдаться я.

Ник тяжело вздохнул:

– Это всеобщее заблуждение, поверь мне, моя прекрасная фурия...

– Ага, Горгона, – подсказал ему все тот же черт.

Однако, Ник продолжал, не обращая внимания на мой бубнёж.

– Кларисса красива ледяной красотой, неужели ты сама не видишь! Да Милада перед ней просто капризный ребенок. Я вообще не уверен, способна ли она на кие либо чувства вообще. И я искренне не понимаю, чем она привлекла отца. Да, она умеет улыбаться и очаровывать, но... она словно мертвая что ли. Кларисса почти никогда ничего не ест и не пьет, любит гулять ночью в саду и ненавидит солнце, словно вурдалак какой то! Для почетного звания фамильного приведения она тоже не годится. Признаться честно, она раздражает меня... и вообще, я хотел завести этот разговор позже, но раз уж так, то не хотела бы ты жить в другом месте, подальше от всей этой суеты?

Уверена, что Алисия радостно воскликнула бы «конечно да», однако после вспышки ярости я почувствовала огромную усталость и уныние. Я только что ревновала, но кого и к кому?... что я здесь делаю, и что будет дальше? Ни одного нового вопроса. Реальность вновь навалила на меня тяжелым прессом. В этот момент мне не хотелось ни глумиться над Миладой, ни указывать мачехе на ее место, ни выяснять принадлежность Клариссы к вампирскому клану. Вот только Ник, он реальный, вот он, рядом со мной, такой близкий и не мой...

– Послушай, Алиса, теперь то что? Ты вот – вот расплачешься. Как ты себя чувствуешь?

«Мне страшно и одиноко», но вслух я сказала, что его идея после свадьбы уехать отсюда очень мне понравилась.

Хотелось остаться одной. Договорившись с Ником встретиться завтра, я через вход для прислуги вернулась в дом и закрылась в своей комнате. Надо подумать, как уйти незамеченной. Я должна сегодня же пойти к старухе!

На какое то время меня одолел сон, и сколько времени я проспала, определить не могла, но желание навестить загадочную «бабу Ягу» окрепло. Предупредив мою союзницу, что ничего не хочу и чтобы меня не беспокоили, я отправилась разгадывать тайны.

Сгущались сумерки, и лес притягивал своей таинственностью. Казалось, что сейчас откуда – ни будь из кустов выйдет леший, и я не удивлюсь, а всего лишь спрошу в правильном ли направлении я иду – настолько все кругом становилось мистическим и таинственным.

– Степан? – тихонько позвала я верного слугу, которому всецело доверяла и предусмотрительно взяла в прожатые на случай того же лешего.

– Мне еще больше перестала нравиться ваша затея, госпожа, – ворчливо отозвался голос в нескольких шагах от меня.

– А мне никогда не нравился твой бубнешь, – отрезала я, мужественно шагая вперед.

– У тебя ружье! – Затея мне не нравилась тоже, однако другого выхода я не видела.

Мы шли еще какое то время, прежде чем я обернулась, чтобы пропустить Степана вперед, ведь точной дороги я не знала и руководствовалась только рассказами «подруг по балу» и прислуги.

– Теперь ты веди меня – так быстрее будет и..., – договорить я не смогла и встала как вкопанная, не в силах даже шелохнуться. Всего в нескольких метрах от меня ярче ксеноновых фар светились глаза какого то зверя.

– Пригнись, госпожа! – рывкнул Степан и грянул выстрел.

Я дрожала всем телом, прижавшись к дереву. Мне еще никогда ни приходилось слышать звук выстрела и то, что я услышала сейчас было не сравнимо с тем, как палили в телевизоре.

– Здаётся мне, это та самая шельма, что собак ваших растерзала, – досадно сплюнул он и, прибавив еще несколько витиеватых словечек, тяжело вздохнул:

– Э – эх, упустил сатану!

– К-как думаешь, кто это? – отмерла я.

– А пес ее знает, – ответил он, все еще не отпуская ружье, – Однако ж, тварь существует и это не просто волк какой – ни будь.

– Звучит зловеще, – несмело отозвалась я.

– Говорил же я, опасна ваша затея, дык вас разве ш переспоришь. Может, все же вернемся, а? – со слабой надеждой попросил он.

– Нет, – мужественно и твердо сказала я, – Ты давай вперед, а я за тобой.

– А если сзади нападет? – упирался тот.

– А если я сейчас вообще одна пойду? Вот скажи мне: кто больше всех любит человека любого цвета кожи и любой веры?

– Господь Бог, конечно!

– Нет, Степан, голодный хищник. А то, что было рядом с нами, возможно людей не любит никаких и поэтому мы целы. Он уже давно мог напасть, но не сделал этого. Пока.

– Вот именно, госпожа! И вообще, странные речи вы говорите, – Степан опустил ружье и смотрел на меня со смесью подозрительности и жалости, – Ну ладно я старик, а вы то! Совсем о себе не думаете, ведь свадьба скоро и ежели что приключится неладное...

– Хватит Степан! – Отрезала я, – Или мы идем, или я одна.

Держа ружье наготове, он пошел вперед и после того, как велел мне не отставать, пробурчал себе под нос:

– Все ж таки ударились она головой сильнее, чем думает милорд. Ведь пришибет меня, ежели прознает куда я ее водил.

Сделав вид, что не слышала, я улыбнулась и продолжала идти за ним след в след. Почти необъяснимо и очень странно, но не светящиеся глаза зверя испугали меня, а только громкий хлопок выстрела. Я не знала и не понимала, почему совсем не испугалась его. Меня шокировал сам факт существования в нашем лесу огромного животного, но мысли о том, что оно нападет, не было и в помине. Почему? Даже под пытками не могла бы объяснить, но только твердо знала – зверь не напал бы на нас и это не он уничтожил моих собак. Я просто это знала.

Мы вышли к маленькому аккуратному домику из белого неотесанного камня, нелепо смотрящимся в лесной глуши, в которой ожидалось что – то вроде избушки на курьих ножках. В единственном окне горел тусклый свет свечи.

– Жди снаружи, – прошептала я повелительно, заранее пресекая всякие возражения.

Я толкнула дверь, и она поддалась, тихо отворившись. Моему взору предстал квадратный деревянный стол на массивном, необработанном березовом стволе вместо ножек, на котором стояла единственная свеча, а вокруг разложены сухие травы и старая деревянная посуда. Откуда – то из темных недр комнаты вылетел черный ворон, и, обогнув меня, скрылся. Однако, я его только видела, но ни шелеста крыльев, ни легкого ветерка, который должен был обдать меня, я не почувствовала, а на причудливом столе не шелохнулось ни травинки. Страх, ужас, желание развернуться и убежать прочь – ничего подобного не было. Более того, и это изумляло, я ощутила себя здесь хозяйкой.

– Алисия – я – а, – донеслось из темной глубины. И снова, только ожидание и ничего похожего на леденящий ужас. Свеча ярко вспыхнула и осветила появившуюся, словно из воздуха, молодую восточную красавицу с неправдоподобными зелеными глазами. Но где же старуха?..

Я замерла, руки сковали невидимые цепи, а ноги словно вросли в пол и пускали туда корни. Было необычно, волнующе и любопытно, что же произойдет дальше, но не страшно – казалось, я вообще не знаю этого чувства. Затем пространство искривилось, будто я стояла у окна, а на стекло вылили воду. Все стало размытым и тусклым, а потом вода окрасилась в черный цвет. Темнота окутала меня и поглотила.

13

Я ощутила невероятную легкость и какое – то размеренное покачивание, словно лежала на воде в штиль. Спокойствие и безмятежность охватили все мое существо. Чарующая нега должна была продолжаться если не вечность, то хотя бы как можно дольше. Какое то время я всецело отдавалась этим ощущениям, но потом в голову пробралась предательская мысль, грозившая вытащить меня в реальность. Где я? Глаза со свинцовыми веками тоже противостояли пробуждению и понадобились усилия, что бы разлепить их.

Иссини – черная темнота окружала со всех сторон и это была не вода, а невесомость космоса... Я закричала, но из горла не вырвалось ни звука, и парила в темноте совсем одна. Что со мной? Где я? Жива ли?

Внезапно я уловила свет, который становился все ярче с каждой секундой, будто в темном зале театра поднимался занавес, открывая яркую сцену.

На неясном расстоянии от меня, может быть метры, а может и километры, находился невообразимый источник этого света. Маленькие огоньки, от тусклого желтого до яркого оранжевого переплетались в виде цепочки ДНК, такой, как принято изображать ее. Вокруг них, огромным капюшоном переливался бело – лунный свет.

«Огоньки – это души людей» – прозвучал в моей голове голос, отчего то ничуть не удививший и не испугавший меня.

«А свет, может быть Бог?» – мысленно спросила я, но не получила ответа.

«Это души только что родившихся детей» – снова проговорил неведомый собеседник. «А это те, кто возвращается вновь»

Я оглянулась вокруг: со всех сторон медленно подлетали серебристые мерцающие капельки и присоединялись к цепочке сверху и снизу, чтобы потом отделиться из центра, и маленькими звездочками улетать в бесконечную синеву.

А куда же лететь мне? – испугалась я, вытягивая вперед руки. – Я ведь не огонек и не могу присоединиться к остальным. Я по – прежнему в своем теле. Почему я здесь? Я умерла? Леденящий ужас охватил мой разум и ничтожное, словно песчинку в пустыне, тело. Тело – всего лишь оболочка и мой дух вот – вот покинет его, и тогда наступит неизбежное...

Пронзительный, истошный вопль возвестил саму вселенную о том, что я не хочу принимать неизбежное, что как никогда хочу жить! Этот крик, распоровший невидимую ширму, отделяющую живой мир от потустороннего – целую вечность звенел у меня в голове, пока не превратился в мерзкое пицание и не заставил открыть глаза.

Причудливое видение исчезло, уступив место белому потолку. Я скосила глаза и увидела источник противного звука – какой то агрегат с мигающим зеленым огоньком и чьей то кардиограммой на экране.

Я попыталась сглотнуть и едва отлепила язык от неба: сказать, что во рту было сухо – это ни сказать ничего. Утренний сушняк после удавшейся вечеринки теперь казался легкой жаждой.

Прошло какое то время, прежде чем я осознала где нахожусь, и более того, четко, во всех деталях вспомнила аварию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.